ПОВЕСТИ о ведном чиновнике ДОСТОЕВСКОГО

(к истории одного сюжета)

MOCKBA 1923

АЛЕКСАНДР ЦЕЙТЛИН

ПОВЕСТИ о бедном чиновнике ДОСТОЕВСКОГО

(к истории одного сюжета)

MOCKBA 1923

"Значение второстепенных писателей редко бывает ценимо с соответственных точек зрения... Даже у историка литературы он не получает должной оценки, иногда не находит даже места в обзоре того периода литературы, славу которого, как казалось его современникам, должен был составить. А между тем, кто же, как не историк, мог бы найти точку зрения, с которой писатели, забытые потомством, или не оцененные современниками, должны быть оценены и реабилитированы во внимании читателей. Каково бы ни было теперь художественное значение их произведений, их исторические заслуги стоят вне всякого сомнения... Их служебная роль значительна и почетна. Миру искусства не чужд тот процесс, который мы замечаем в поступательном движении науки, где обобщающая мысль гения, лишь опираясь на всю совокупность мелких раз единенных наблюдений вносит единство и гормонию в разобщенные результаты частных исследований... Судьбы отдельных исторических образов и сюжетов дают многочисленные примеры аналогического движения в истории литературы: и здесь всякое нрупное творение есть результат преемственного развития общих мотивов, и здесь... всякое большое движение выражается не только в бессмертных его представителях, но и в целом ряде писателей второстепенных, о которых не только грешно, но и опасно забывать". 1)

Эти блестящие положения, выставленные А. Г. Горнфельдом, особенно приходится поддерживать тем, кто исследует преимущественно темы и мотивы в их литературном развитии. Фабулаторный остов произ-

ведений большей частью "ничей". Из глубокой древности тянутся к нам немногочисленные темы и мотивы, и из комбинаций этого сравнительно небольшого количества мотивов и создаются все литературные произведения, включая сюда и самые величайшие; достаточно припомнить так называемые "мировые образы" Дон-Жуана, Фауста, Дон-Кихота. Материал, которым пользуются все писатели, фабулаторный скелет, у всех одинаков, и тем более мы должны поэтому обращать внимание на мелких писателей Сюжеты всегда эволюционируют. Но, конечно, для того течения среди историков литературы, которые под вею понимали "историю литературных генералов", для тех, кто ее изучает только по Пушкину и Гоголю, Толстому и Достоевскому—для тех такая эволюция мотива будет незаметна. Как родословные генеалогические ведутся от какого нибудь обязательно "именитого" предка, так и литературыые генеалогии указывают также на генерала от литературы.

По отношению к Достоевскому формула достаточно

вают также на генерала от литературы.

По отношению к Достоевскому формула достаточно известна: "Достоевский явно отправляется от Гоголя; он это подчеркивает". ²) Наблюдения по этому поводу В. Ф. Переверзева углубились Ю. Н. Тыняновым и В. Виноградовым, но они конечно не исчерпали вопроса, ибо дело не только в Гоголе и Достоевском, а и в окружающей их среде, в том, что Достоевском, а и в окружающей их среде, в том, что Достоевский получил Гоголевское наследство не только непосредственно, но и косвенно, через Даля, Гребенку, Михаила Достоевского, Буткова и сотню мелких писателей, которые Достоевскому были несомненно известны, им читались, и в массе своей производили на него влияние не меньшее, чем Гоголь. Если к тому же мы примем во внимание, что и Гоголь, конечно, величина не первичная и не единая, что и его надо поставить в окруженье литературными спутниками, то станет ясной необходимость изучать мотивы в их бытовании в известной литературной среде.

Этим в значительной степени определяется план нашей работы: изученье темы "бедного чиновника" должно

быть начато с изучения почвы, на которой пришлось действовать Гоголю; далее должна быть выяснена его роль в развитии мотива. Затем, оставляя Гоголя позади, мы самым тщательным образом исследуем "гоголевцев", ту натуральную школу, которая, перефразируя крылатое выражение Гончарова, "разменивала литературный миллион Гоголя на литературные гривенники". Только после этого неизбежно большого вступленья мы сможем перейти к анализу тем и мотивов у молодого Достоевского, уяснив всю историко-литературную закономерность его произведений ранней поры. 3)

Сделаем несколько предварительных замечаний о терминах, которыми нам придется оперировать в дальнейшем: их пять. Некоторая детализация терминологии Александра Н. Веселовского необходима, так как сюжетика фольклора, к которой эти термины применялись, их мало углубила. Мы называем фабулой произвольную передачу "содержания" произведения; наоборот, сюжет есть фабулы научно сформулированная, в которой ясны были бы составные части фабулы. Эти составные части суть: тема—простейшая статическая единица сюжетосложения, пе дающая указаний на то, в каком разрезе она будет развернута (напр. тема "бедного чиновника"). Мотивом же обозначим простейшую динамическую единицу сюжетосложения (напр. тема "бедного чиновника"). Тема несколько более общий термин, нежели мотив, так как, вообще говоря, может быть развернута несколькими мотивами (напр. тема "бедного чиновника" развертывается мотивами "неудач чиновника по службе"— "в любви"— "материальных неудач" и пр.).

Ситуацией мы называем известный эпизод сюжета взятый статически, "затвердевшим".

взятый статически, "затвердевшим".

Несомненно что тема "бедного чиновника" зародилась в русской литературе задолго до Гоголя. Ее можно было бы начать еще с XVII века, с "повести о Фроле Скобееве", с истории женитьбы этого "ябедника" на

дочери знатного боярина Нащекина, наметить в XVIII веке в русском романе и в повести начала XIX века в сатирических журналах. Мы не задаемся выяснением ее генезиса, так как нас интересует преимущественно повесть 40-х годов, в частности повесть Достоевского. Несомненно, что и у Гоголя в развитии этои темы были предшественники и более близкие, именно в русской литературе 30-х годов. Это можно было бы заметить и априорно: мы знаем в настоящее время "безсюжетность" Гоголя. Он брал случайный анекдот и клал его в основу сюжета произведений. 5) Рассказ о рассеянности Виельгорского лег в основу пов. "Коляска", Пушкинские рассказы образовали ядро "Ревизора" и "Мертвых душ", 6) наконец, как это превосходно доказал недавно В. Виноградов, и повесть "Нос" родилась в атмосфере чрезвычайного "носологического" оживления 30-х годов, и Гоголю оставалось произвести отбор и комбинацию наконившегося материала. 7) Две наиболее значительные "чиновничьи" повести, "Записки сумасшедшего" и "Шинель" также родились из случайно слышанных рассказов: об новничьи" повести, "Записки сумасшедшего" и "Шинель" также родились из случайно слышанных рассказов: об одном сумасшедшем чиновнике и о чиновнике, потерявшем ружье. В Но уже существовала в 30-х годах намечающаяся традиция—брать героями "бедных чиновников", рисуя их быт и психологию. Уже в начале 30-х годов знаменитое "Горе от ума" имело в числе действующих лиц и образ Молчалина, бедного секретаря управляющаго значительным местом Фамусова, переведенного из Твери в Москву. В него влюблена дочь Фамусова, он не любит ее и "терпит скуку" в надежде на карьеру. Превосходная фигура Молчалина уже тогда становится нарицательною для обозначения карьериста, и мы увидим далее, как многие писатели натуральной школы подхватывают этот образ.

Видное место в бытописании этой городской бедноты занимает Булгарин, сразу намечая тот юмористический жанр, из котораго выйдет впоследствии "Шинель". Упомянем здесь его "Послание губернского се-

кретаря Петушкова к Христофору Колумбу", "Плач под'ячего Н. Ф. Тычкова над сводом законов" "Три листка из дома сумасшедших", повествующие о чиновнике впавшем в амбицию и сошедшем с ума (1834). Лишь год отделяет эти "Три листка" от дневника также впавшего в амбицию Поприщина.9) Комедийный уклон намечается в изданной в 1835 году пьесе Загоскина "Новорожденный", своеобразном гротеске. У чиновника карьериста рождается сын. Он называет его Андреем, "в честь Андрея Первозванного", и спешит уведомить об этом всех знакомых превосходительных генералов, князей и др., также Андреев, пишет им в льстивых выражениях письма, уверяя, что он назвал сына в честь этого генерала (или князя). Чиновник этот принимается в салонах, благодаря лести карьера его устроена. Но, когда он после хлопот и визитов возвращается домой, супруга извещает его, что "Андрей" скончался. Здесь есть уже зерно будущих сюжетов. К тому же 1835 году относятся "Памятные записки титулярного советника Чухина"—авантюрный роман того Булгарина из жизни бедного чиновника, учителя детей княгини. В этом романе особенно для нас интереена первая глава, повествующая о смерти бедного отца Чухина, описание его неказистого домика и сцена чувствительного его прощания с детьми. 10) В этой повести также лишь эмбрион последующих его сюжетов. Но уже в 1839 году появляется превосходная, совершенно несправелливо забытая в наше время повесть Н. Ф. Павлова "Цемон". 12)

У Андрея Ивановича, чиновника департамента, есть предестная жена которая влюбиена в начальника мужа

У Андрея Ивановича, чиновника департамента, есть прелестная жена, которая влюблена в начальника мужа. А. И. просит его превосходительство оставить ему его жену. "В чем моя вина? Что у меня жена молода, что у меня жена красавица! Я все знаю, она бредит Вами... Вы б вечером, когда ложитесь в постель, покойны, счастливы, богаты, в чинах, вы б спросили, что делает бедный человек, у которого, если вы захотите, не будет

завтра ни постели, ни куска хлеба... Она во сне беспрестанно повторяет имя вашего превосходительства". Начальник выгоняет Андрея Ивановича... Проходят годы, и вот А.И. живет богато. "Кабинет себе устроил он уже не возле спальни и так далеко, что мог безмятежно предаваться трудолюбивым своим занятиям". И когда Андрей Иванович горделиво говорит "Был бы ум, деньги будут", то этим подчеркивается ситуация: муж "бедный чиновник, его жена красавица и его превосходительство, ее "покровитель"—ситуация, опять всплывающая через год (1840) в исторической повести Булгарина "Победа от обеда", где обрисовывается "быт человечества 14 класса". Коллежский секретарь Искрин любит дочь важного Карла Федоровича, наташу, но он беден и потому... Мое положение таково, что мне непростительно было бы даже помышлять о дочери богатого начальника". "Любовь все побеждает, говорят его друзья, коллежские регистраторы"... Ему предлагают жениться на любовнице его превосходительства, обещают чины и деньги, но он с негодованием отказывается. У Наташи уже есть ненавистный ей жених, но на счастье влюбленных приезжает в Петербург—Потемкин. Искрину удается услужить ему на обеде (отыскал ему севрюжину). Потемкин узнает в нем сына одного из храбрейших офицеров и берет к себе Искрина секретарем. Финал ясен: Искрин выходит в люди и женится на Наташе. "Он употребил все свое значение на то, чтоб помогать своим прежним приятелям, не забывая никогда о прежнем своем положении". 11)

Следует напомнить о повестях Пушкина, разрабатывающих тему бедного человека. Правда, он не чиновник, а офицер ("Пиковая Дама") или "Станционный смотритель". Но уже в "Медном Всаднике" появляется этот Евгений, герой "Цетербурской повести" "Был он беден", "служит он всего три года". "Один, при свете свечки сальной, в конурке пятого жилья сидел чиновник. Скоро, смело перо привычное скрипело,—как видно,

малый был делец". Любопытно отметить, что первоначальный замысел Пушкина предполагал не безличного канцеляриста Езерского, а гораздо более крупное лицо (Анненков "Вестн. Евр." 1880, № 6). Очевидно, герой стал чиновником, потому что и Пушкина захватила эта литературная традиция.

Во всех этих рассказах и повестях еще не установлен единый стиль. Тема "бедного чиновника" разрабатывается в психологическом романе, исторической повести, бытовой комедии, фантастическом рассказе, авантюрном романе. Но важно то, что персонаж уже обрисовывается в контурах, и когда Гоголь является с "Записками Сумасшедшего", он развертывает мотив, который уже бытовал до него в литературе. И здесь роль Гоголя выразилась в том, что он канонизировал этот мотив, собрав мельчайшие его разработки воедино и ввел его в художественную литературу. Он канонизирует образы бедных, забитых чиновников Поприщина и Башмачкина, разрабатывает быт канцелярий и департаментов, намечает романтический мотив любви чиновника к дочери начальника, эпизодические образы значительного лица ("Шинель"), которому суждено будет сыграть такую "значительную" роль в будущих повестях о чиновнике.

вестях о чиновнике.

Новы ли были для русского читателя и критика все эти мотивы и образы? Конечно, нет, но ново было такое мастерское их развертывание, такой блестящий стиль. Это изложение, этот стиль произвели громадное впечатление, и если и до "Шинели", по словам самого Гоголя "над титулярным советником натрунились и наострились вдоволь разные писатели, имеющие похвальное обыкновение налегать на тех, кто не кусается ("Шинель" 13), то после 1842 года эти темы распространяются. Сороковые годы—время самого полного их развития, мы насчитываем около 150 рассказов, написанных до 1850 года, посвященных развитию этой темы, — цифра эта ни в коей мере, конечно, не исчерпывает материала.

Вся эта масса произведений в большинстве появилась позднее "Шинели" и "Записок сумасшедшего", под их несомненным влиянием. Большинство этих вапод их несомненным влиянием. Большинство этих вариаций на гоголевские темы лишено самостоятельной художественной ценности. Хронологически этот поток достигает апогея к 1845 и 1846 годам, понемногу затем спадая, но упорно бытуя до 60-х годов. Связь этих произведений с Гоголем (особенно с "Шинелью") несомнены—и в стиле, особом "натуральном" стиле, эмбрионе будущего реалистического стиля 50 и 60 г.г., и в сюжетике и в композиции. Эгу связь отчетливо восприняла и критика. "Акакий Акакиевич" Гоголевской шинели, пишет напр. "Московский Городской Листок", сделался родоначальником многого множества микроскопических личностей: микроскопические печали и радости, мелочные страдания, давно уже вошедшие в обыкновение у повествователей. 14) Другой критик, Плетнев, говорит о водевиле Соллогуба "Букеты или петербургское цветобесие": "Без Гоголя, вероятно, "Букеты" поднесены бы были публике в ином виде, с другими фраское цветобесие": "Без Гоголя, вероятно, "Букеты" поднесены бы были публике в ином виде, с другими фразами и даже при других шутках; но и теперь все же не без достоинства они... (так как) напоминают справедливо любимую ныне школу". ¹⁵) Но гораздо чаще критика была более сурова к этим подражателям. "Все эти новые произведения... ограничиваются до сих пор изображением мелких чиновников; от этого происходит утомительное однообразие в содержании наших новых повестей и романов... Недостаток молодой литературы состоит не в том, что она пишет о чиновниках, а в том, что она ничего другого не пишет". ¹⁶)

Теснейшая связь стиля этих "натуральных повестей" с Гоголевскими и слабая их оригинальность дает нам право разбирать их вне хронологической последовательности в общем анализе. Вдобавок, при недостаточности и неполноте материала всякая попытка изученья эволюции темы "бедного чиновника" обречена на неудачу. Мы лишь выделим Достоевского, не только в

силу того, что он является в начале второго периода развития темы но и потому, что он оказывает на него известное влияние, углубляя и "выворачивая".

"Нужно вам, однакож, все таки сказать, что это за господин Куфаркин; хоть оно лицо вовсе ничтожное в нашей повести, но автор сознается, любит обстоятельности во всем и по совести не может пропустить никакой мелочи, не отдав в ней подробного отчета читателю. Куфаркин мелкий чиновник... На нем не было ничего особенного даму одному прина протеста читательного собенного даму одному прина протеста читательного собенного даму одному прина протеста читательного собенного даму одному прина прин Куфаркин мелкий чиновник... На нем не было ничего особенного, ему одному принадлежащего; лицо бледножелтоватое, как и у всех тружеников; платье—известно какое платье—форма, в некоторых местах потерпевшая от носки и времени, но везде исправно починенная форма. Словом, этот человек был тихое, смирное, безгласное создание, которое само себе ничего не значит, а как будто существует для того, чтобы одной единицей увеличить массу сил работающей машины. Полно, так ли, господа? Присмотритесь ка, и у этого Куфаркина найдется много примет, по которым вы признаете его своим собратом... Куфаркин был предметом развлечения в скучно тянувшиеся часы службы: многие остряки трунили над его фамилией, изменяя эту несчастную фамилию и называя человека просто кухаркой, что и выходило очень смешно. 17)

Вот отрывок из повести "Один день из будничной жизни". Не надо быть больщим знатоком Гоголя чтобы жизни". Не надо онть больщим знатоком Гоголя чтобы увидеть влияние великого мастера в этих нравоучительных, гуманных речах на тему "я брат твой", в фамилии Куфаркина (ср. Башмачкина), наконец, в самой манере сказа и сочинительских отступлениях. "Об этом портном, конечно, не следовало бы много говорить, но так как уже заведено, чтобы в повестях характер всякого лица был совершенно означен, то нечего делать, подавайте нам и Петровича сюда" ("Шинель").

Во всех этих повестях чиновник беден, и все авторы настойчиво подчеркивают это состояние героя. Вст,

напр. повесть Лермонтова "Княгиня Лиговская" (1839). Молодой чиновник шел из департамента, мечтая о награде и вкусном обеде, ибо "все чиновники мечтают". На нем был картуз неопределенной формы и т. д. Вот как он разговаривает с оскорбившим его Печориным: "Моя жизнь горька, будущности у меня нет... Я беден... У меня одна мать старушка. Я все для нее: я ее провидение и подпора; потеряв меня, она либо умрет от печали, либо умрет с голоду". У большинства таких бедных чиновниках есть где то мать—старушка, которой они посылают последние деньги—(штрих канонизированный) "Дочь чиновник—жилец петербургских углов, Лебядкин "имел два обычая: один—очень похвальный, посылать ежемесячно 7 рублей матери и другой,—очень скверный,—пропивать остальное. Со времени "Шинели" особенное внимание писатели обращают внимание на костюм героя ("худой гардероб"). "Шинель, служащая во времена года защитой ог непогоды, постелью, одеялом и халатом. Ворс на сукне походил больше на тюль, чем на сукно. Воротник из самой неблагопристойной шерсти какого то зверя, неизвестного еще зоологии". В повести выводятся два чиновника—Иван Петрович и Петр Иванович; первый характеризуется чисто гоголевской обессмысленной гиперболой: "Самый неподражаемый талант обнаружил Иван Петрович в чинке перьев. Мне кажется, что пером его очинки самый тупейший из наших столоначальников мог с одного маху написать поэму вроде "Мертвых душ". Как Иван Петрович, так и Петр Иванович были круглые сироты; как тот, так и другой ничего от своих родителей не получили, кроме бедности и благородства". И далее немедленный переход к воротнику, "из весьма добропорядочной собаки, который был столь искустно подкрашен, подсвечен, что неопытный глаз наблюдателя мог принять за енотовый, хотя это был тот самый енот, что лает у ворот". ²⁰) BODOT". 20)

Их не перечесть, этих чиновников, бедных, забитых, жалких, обремененных многочисленной семьей, чиновников, которых выгоняют со службы по капризу его начальства (Панаев "Слабый очерк сильной особы") Вот Федор Петрович Зяблин: "Это было существо, не обидевшее отроду не только ближнего, но даже собаки, никогда не жаловавшееся на судьбу и начальство, и едва ли когда обижавшееся, или, по крайней мере, весьма скоро забывавшее всякую обиду... Родители его, очень бедные люди, научили его только терпеливо переносить нужду и делиться последним с неимущим братом... Долгое время содержал он слепую мать и сестру своим маленьким жалованьем, пока, наконец, первая не умерла, а вторая не вышла замуж". 21)

умерла, а вторая не вышла замуж". 21)

Первая группа повестей о чиновнике развертывают мотив его канцелярских неудач. На фоне этих повестей—чиновничий мир, описываемый полно и реально. Постоянные характеристики чиновников к 50-м годам дают уже четкую и ясную характеристику Афанасьева Чужбинского "Чиновник", где автор канонически описывает наружность чиновника, с особенной любовью останавливаясь на его шинели "плисовый воротник которой из зеленого перешел в какой то кофейный цвет". 44) Интересно отметить, хотя бы мельком, описание быта канцелярии в "Галерной Гавани" Панаева, рассказы, трактующие о карьере чиновника: "Провинциалка" Тургенева, "Дальний родственник" Гребенки, "Макар Осипович Случайный" Некрасова, 28) "Прекрасный человек" Панаева, 45) "Странная история" Буткова, приближающаяся по сюжету к портрету Гоголя 46) примыкает к этим новестям "Обыкновенная история" Гончарова (1848). Эти повести немногочисленны; охотнее и цсихологически углублениее трактуется тема неудачной карьеры бедното чиновника Упомянем здесь повесть Плещеева "Алексей Чемезов", его же "Две карьеры", остановимся на "Записках студента" Гребенки (О. З. 1841, 14). Молодой офицер мечтает о работе, об умственной деятельности

в Петербурге. Но родные встречают его сухо; семья разоряется, он должен помогать бедному своему семейству. "Я не допушу, чтоб матушка дожила до необходимости питаться трудами рук своих". Тот же мотив разочарования в службе развернут в повести І. III. "Первый день службы". 48) Молодой кандидат университета, поступив на службу в департамент, разочарован ею. Наконец, в пов. "Собачка"—коллежский регистратор Чечевичкин ("прежде всего, заметил Гоголь—следует об'явить чин, имя и фамилию") служил в одном департаменте, называть который я считаю лишним и даже неприличным. (Подобное же "умолчание" в "Шинели"— департамент "горьких и соленых дел"). Чечевичкин угождает начальнику и его жене. У последнего издохла собачка, и вот Чечевичкин подносит ей другую болонку, тщательно откормленную. Все идет хорошо, Чечевичкина благодарят, но вдруг болонка кусает начальницу. "К черту Чечевичкина! Не надо Чечевичкина!" Как Никита Лаврентьевич пришел домой, как вынес он этот удар, это оскорбление, решительно нет никакой возможности об'яснить". 49)

Следующая группа повестей окружает чиновника его сотоварищами и развертывается бытовым материалом. Фабулой берется чиновничья жизнь: балы, на которых папеньки подбирают женихов своим дочерям ("Вечер на Петербургской стороне", "Средство выдавать дочерей замуж",) или же этой фабулой берется канцелярия с мелочами ее быта, микроскопическими горестями и радостями. ("Первый день службы", "Любовь мелких людей"). Повесть Буткова "Тревогин" особенно для данной группы характерна. 52) Как и для всех товарищей по службе "жизнь отпустила на его долю совершенно достаточное для него количество обыкновенных своих щелчков, будничных страданий, праздных радостей и копеечных страстей. Папенька со своей стороны предусмотрительно снабдил его собственным именем Касьяна, чтобы он не убыточился ежегодно на тщетное праздно-

вание своих имянин". Его имянин ждали: пришло, наконец, 29 февраля; Тревогин решает никого не приглашать, мечтает разнести по городу слух, что Тревогин умер... Об этом узнает и Маша, эта самая вертушка и насмешница, которая исчахнет с тоски по нем... Он уведомляет товарищей, что решил умереть; когда они ходят к нему, то находят несчастного имянинника... льяным.

ходят к нему, то находят несчастного имянинника...

Следующая группа разрабатывает семейную жизнь чиновника, который всецело подчиняется, своей жене, бой-бабе (напр. "Милая жена" Александрова, "Муж под башмаком" П. Машкова, 52) "Записки Замоскворецкого жителя" Островского, 54) "Мундир" барона Корфа и проч.). Здесь повесть о чиновнике упрощена, а узоры несложны и одноцветны. Зато она расцветает, когда в нее входит мотив любви его к какои то прекрасной молодой девушке. Этот мотив намечает известные "сюжетные повторы", развиваясь приблизительно однородно во всех повестях. Иногда эта девушка—дочь его начальника, и тогда судьба их достаточно определяется словами романса: "Он был титулярный советник, она—генеральская дочь, он робко в любви об яснился, она прогнала его прочь. Пошел титулярный советник и пьянствовал целую ночь, и в винном тумане носилась пред ним генеральская дочь". Такова судьба Голядкина ("Двойник Достоевского, бедняка—художника из повести Панаева "Дочь чиновного человека"). 22) Однако, чаще девушка так же бедна, как и сам чиновник. Он ее страстно любит, как единственный светлый луч в его жизни. В пов. "Горев Николай федорович" Гребенки герой ее, голодный, без приюта и без заработка уныло шагает в приход Ермолая на курьих ножках, от Кремля в десятке верст. "В Кремль он постоянно ходил, третий месяц определяться на службу; ему обещали место, но всякий раз говорили: "Приходите завтра". Бедность ему мешает жениться на прелестной девушке Вареньке, его невете. Варенька—круглая сирота. "Какое милое создание

была эта Варенька! Волнистые русые кудри резво разбегались по ее белым плечам, свежее румяное личико, голубые глазки, полные огня, жизни и разума, розовый, вечно улыбающийся ротик... А как улыбалась она! Сколько откровенности, чистосердечия, сколько прелести было в этой улыбке! Кажется, если бы Варенька подошла к одру умирающаго, от ее улыбки ожил бы страдалец, она пролила бы в него новую жизнь". ²³) Через пять—шесть лет этот образ ясной, веселой и глубокой девушки запечатлеется у Достоевского в образах Лизаньки ("Слабое сердце"), Настеньки ("Белые ночи") и отчасти Вареньки в "Бедных людях".

Чиновник Иван Иванович Тряпка влюблен в дочь помещицы, опять таки прелестную и веселую Машеньку (все геровни повестей о чиновнике носят уменьшительные имена—²⁴) "Любовь и скрипка" ²⁵) и др.). Чиновник влюблен в дочь своего начальника, приглашен к ней на вечер, но—о горе!—у него нет партикулярной пары. Приходится оставить надежды навсегда ("Партикулярная пара" Буткова в сборнике "Петербургские вершины").²⁶)

пины"). 26)

Бедный чиновник Буднев любит веселую, живую, но пустенькую Любочку, которая смеется над ним. Чиновник Лука Прохорович, который "имел прекрасные серые брюки, здравый рассудок, видмундир и за 15 лет пряжку"—сосед с титулярным советником Азбукиным. У Азбукина есть 17 летняя дочь Олечка. "Всякое утроличко Ольги Гавриловны, как розовый цветок, блестело у окна между густыми ветвями темнозеленой герани; всякий раз... Лука Прохорович думал: "Какая красавица!" и—подивитесь,—его форменное серлце ошущало что то странное; Ольга Гавриловна единственная наследница домика с мезонином и зелеными ставнями... Сами они живут в первом этаже... А мезонин отдают в наем какому то отчаянному поэту и белошвейке (ср. "мечтателя" в "Белых ночах", намеревавшегося так же переехать мужем Настеньки в мезонин домика бабушки).

Когда его приглашают на обед к Азбукину, Лука Прохорович обезумел от восторга... И если бы он воспитывался там, где его сослуживец, чиновник с большим красным носом, то написал бы огромное похвальное слово судьбе, по правилам бургиевой реторики. Слава Богу, что он не учился"! Любовь Лука Прохоровича, как и Буднева, кончается несчастливо, как и большинство романов бедных чиновников, Луку Прохоровича обманывают сослуживцы. Буднев спивается, бросивший жену сам покинут любимой девушкой, Ивана Ивановича Тряпку полслушивает его невеста, когда он об'ясняется в любви актрисе, и расходится с ним. Случаются истории еще более странные и неожиданные, пародирующие романтической любви. Вот характерная по заглавию повесть Даля "Любовь по гроб". Губернский секретарь Воркунов влюбляется в актрису, "райскую Пери", подносит ей купленный на последние деньги букет. "Буду дня три без обеда... и мать моя, бедная старушка, упрекать будет меня в письме, что я ей не дослал положенного; но что это все в сравнении с этим восхитительным чувством, которое уносит меня за проделы вещественного мира... Всякую нужду перенесу и добрая мать моя перенесет... О, это будет очистительная жертва!".

ренесет... О, это будет очистительная жертва!".

Когда букет добыт...—"Сердце отогрелось, стало отходить, а потом запрыгало и заметалось, как малиновка в вешний денек, между кустиками и цветочками". Но вот Пери умирает... После долгих странствий Воркунов попадает на кладбище, куда ее принесли. "Дыхание сперлось, в глазах потемнело, в ушах зашумело". Воркунов бросился рыдая на гроб, умоляя дать ему проститься. Гроб вскрывают и... "Воркунов напоролся на шитый стоячий воротник, одного очень почтенного и заслуженного чиновника, за гробом которого он шел от самого города до кладбища... Воркунов был так поражен, что совершенно забыл о своем намерении покончить с собою".

Подобныя открытия слушаются часто; все планы бедного чиновника рушатся, как карточный домик. В повести Буткова "Ленточка" чиновник любит дочку своего хозяина, петербургского немца. Эскизный образ ее напоминает образ Клары в пов. Плещеева "Буднев" и отчасти образ Тинхен ("Хозяйка"). Ухаживания принимаются благосклонно, и чиновник начинает уж рассчитывать на взаимность. На службе он получает отличие—ленточку и хвастается этим перед избранницей своего сердца. "Ну, что ж, возражает она, кто нынче без ленточки. Всякий чиновник с ленточкой... Вот, показывает она чиновнику—ленточка. Это его первый подарок"—Его? Чей? Кто же Вам подарил?—"Он, мой жених, Готлиб". А жених смотрит на уничтоженного чиновника и ехидно улыбается.

ехидно улыбается.

Иногда, впрочем, любовь эта завершается свадьбой, но такие случаи редки. В пов. Гребенки "Дальний родственник" у Антиоха Ивановича, человека со звездой и акционера в 10 спекуляциях", есть бедный родственник с 300 рублей годового жалованья. На лестнице около своей комнатки этот родственник встречает однажды соквартирантку свою, хорошенькую, веселую Терезу... Несмотря на протесты Антиоха Ивановича и супруги его "наш герой через неделю после родственной бури играет свадьбу... Так как у бедного родственника была хорошенькая жена, то он быстро стал повышаться в чинах. И вот он в ходу, богат, лезет в знать. Того и гляди, в углу его гостинной явится новый дальний родственник". Здесь дана, правда, неразвитая еще ситуация: муж чиновник—его жена и начальник мужа—ее покровитель, ситуация, которая повторится в рассказе "Чужая карета" и перейдет в рассказ Достоевского "Скверный анекдот". Повести оканчивающиеся "семейным счастьем" встречаются, они, пожалуй, не так редки, но что особенно бросается в глаза—это их малая психологичность. Повести с дурным исходом гуще насыщены психологическим материалом и содержанием,

нежели повести с исходом благоприятным. Возьмем, напр. типичную повесть "Лото в клубе". Верочка—дочь бедного чиновника 9 класса—едет в клуб с подругой и встречает там молодого незнакомца, у которого "глаза просто прелесть: черные, блестящие... и прекрасное лицо". После встречи Верочка "как будто не та: страстной пламенной любви еще нет, но впечатление с той и другой стороны". Он также ищет "незнакомку с чудными глазами". Между тем, отец Верочки едет в клуб попытать счастья, чтобы на выигрышные деньги купить дочки бурнус—других денег у него нет. Он проигрывается, в отчаянии напивается, над ним смеются сослуживцы, и если бы не Владимир Петрович, мелодой его товарищ, который его довез до дома, он молодой его товарищ, который его довез до дома, он бы утопился. Родителей утещает Верочка—"она счастлива и без бурнуса". Цело улаживается нежданно-негаданно: сослуживец отца и есть тот самый молодой человек, которого полюбила Верочка. Встреча, об'яснение, счастливые родители благословляют их... "Иван Иванович уже не бедный чиновник, над которым вечно издевались его товарищи. Здесь был отец, блаженный счастьем състоя дитяти". 29)

Еще более анекдотический мотив лежит в основе пов. "Сhef d'œvre". Бедный чиновник и молодая девушка любят друг друга, но ее родители несогласны на брак с "бедным". Помогает... живопись: чиновник недурно рисует и этим прелыщает свою будущую тешу, поклонницу искусства. 30)

Упомянем далее повесть "Верочка", также оканчивающуюся свадьбой влюбленных и их счастиной жизнью. Интересна, наконец, переводная повесть "Луицор", написанная с уклоном в сторону мелодрамы, с внезапными находками и нищенками—графинями. Бернар, молодой бедный чиновник, получив жалованье— 100 франков, дает луидор (20 фр.) нишем. Проходит восемь лет, его приглашает к себе на дачу дама, вдова графа де-Жювиньи, и женит на себе обезумевшего от радости Бернара. Его начальник взбешен—он сам имел вид на графиню. Оказывается, это ей, тогда нищенке, подал Бернар луидор и этим спас ее от голодной смерти. "Возьми его назад, говорит новобрачная, с процентами моей любви". 31)

Перехожу теперь к анализу повестей с мотивом любви несчастной. Причин тому, что любовь эта неудачна, много: прежде всего, молодая девушка его но любит, она невеста другого (пов. "Дружеские советы" Илецеева). Папенька—чиновник, у него дочь Верочка, у нее просит руки молодой человек, помогавший им в нужде. Верочка не любит его, но из благодарности соглащается на замужество; они жених и невеста. Василий Михайлович, чиновник ее папеньки, любит Верочку, но он беден, и у него где то в провинции больная мать. Встретив Верочку—уже жену другого,—он снова ищет свиданий с ней. Она просит ее оставить "Судьба так хотела; она свела нас слишком поздно; мы бы могим быть счастливы, если б увиделись раньше. Умоляю вас. забудьте меня". 32)

Иногда помехой их счастью является эгоизм и бессердечие чиновника (Плещеев ,,Призвание"), иногдаего измена (водевиль Соллогуба ,,Букеты или петербургское цветобесие"), иногда какое-нибудь внезапное открытие. В повести барона В* ,,Извините" у окон дома отставного титулярного советника Клопа и кузины его мавры Савельевны Блохи похаживает какой-то приятный молодой человек. Он ухаживает за их племянницей молоденькой и хорошенькой Наденькой. Роман кончается бегством юноши—он вдруг узнает, что чудесные зубки Наденьки—вставные. 33)

В пов. "Часы" есть такое же внезапное открытие, которое разрушает с таким трудом создавшееся счастье. Бедный секретарь "значительного лица" любит молодую девушку, гувернантку Наденьку. У него скопляются деньги и он делает Наденьке предложение. Но в день, когда она должна приехать на новую квартиру у

него случилось несчастье. Он в шутку взял часы у товарища из передней. Оказалось, что они принадлежали другому, и что кроме их у владельца часов пропали лежавшие рядом 600 рублей. Тот грозит полицией, и Андреев вынужден заплатить из последних скопленних денег. "Дворнику было сказано, что квартира им не нужна. И Андреев снова проводил свою бедную Наденьку в дом, из которого так желал извлечь ее". 34)

Но главным препятствием к их счастью является тот образ, без которого не обходится ни один рассказ,—образ начальника молодого человека, по гоголевской терминологии— "значительного лица". Именно он рушит все планы и замыслы влюбленной пары и вместо счастья причиняет им горе на всю жизнь. К анализу роли в повестях этого персонажа мы и перейдем.

III.

Уже в "Горе от ума" намечается тема значительного лица: он отец молодой девушки; стало быть бедному чиновнику нечего мечтать о девушке и, конечно, Фамусов был бы ошеломлен, узнав о связи дочери с Молчалиным. Образ значительного лица был широко распространен в цикле повестей о бедном чиновнике. Иногда эта неожиданная преграда в его лице устранялась, однако всякий раз подчеркивался мотив неравного брака. Так, напр. в типичной для данного случая пов. "Верочка" бедный офицер Павел Степанович влюбился в дочь богатого статского советника. Завязывается воман не оба ни слова не говорят другу другу оплся в дочь богатого статского советника. Завязывается роман, но оба ни слова не говорят друг другу о своей любви. Верочку любят друг Павла и чиновник Потап Иванович; последний—удивительно интересный образ, показывающий, какое сильное влияние произвели на повесть "Бедные люди" (повесть написана в 1849 г.). Характерен его язык, который, несомненно, от Макара Цевушкина. "Не бойтесь, матушка, я вам... вот что, я за вас, матушка, всюду на край света... Вот видите ли, я и альбомчик принес, да какой хорошенький, бархатом обложен и золотом,—сами посмотрите! Да нет! Я все

не то хочу сказать! " или "Вот как она, ангелочик мой, была маленькой, так, бывало, вот здесь садилась, да и заставляла играть меня". Верочка любит Павла страстно. "Если б мне предложили на выбор все в мире только без него, или жить в нужде, в бедности, но только чтоб я была уверена в любви его, я бы предпочла бедность". Они об'ясняются, общее счастье, отец ее восклицает: "Он небогат! Ну что ж, Бог даст, вы, дети мои с голода не умрете была бы ты мой прил Верочка цает: "Он небогат! Ну что ж, Бог даст, вы, дети мои с голода не умрете, была бы ты, мой друг, Верочка, счастлива". Когда Верочка об'являет Потапу Васильевичу об этом, он разражается жалобами, слушая которые нельзя не вспомнить заключительное письмо "Бедных людей": "Но ведь как же, матушка.? И птички то ваши, как оне то будут, кто за ними будет ухаживать? Она любит его, а я то, и забыла уж видно! Да что я, старик, только старик, подошва старая, куда я гожусь? А он, и красные отвороты есть, и волосы черные, а у меня лысина! Лысина, что же я..." И побрел Потап Васильевич к себе домой "Что же мне делать теперь? Кому теперь я нужен? Никому, в целом мире никому"... Он молится за счастье Верочки. 35)

Сюжеты все усложняются по мере того, как все ревче углубляется конфликт тем чиновника и бедной девушки с новой темой значительного лица. Пройдем мимо многочисленных отцов, не соглашающихся на брак дочери с бедным чиновником, остановимся лишь еще на одной повести с такой ситуацией — "Дочь Чиновного человека" Панаева. Персонажи ее — бедный живописец Срезневский (у него, конечно, бедная, как полагается, мать старушка). Он отказался от заграничной поездки, чтобы ее не покидать. Срезневский любит дочь статского советника Переволокина. Родителям доносят, что дочь их бывает у него дома. Следует бурное, семейное об'яспение, целиком отскочившее затем в "Накануне" Тургенева. Девушка признается что любит его. От нервного потрясения она заболевает в горячке и умирает. Александр остается жить лишь вни-

мая мольбам матери, которой предстоит иначе умереть от голода".

Второй мотив, развертывающий тему значительного лица в иной ситуации может быть формулирован так: Значительное лицо — явный или тайный соперник чиновника. Он волочится за молодой девушкой, обычно ее не любя. Такая ситуация муж—жена — граф-любовник намечена, но не осуществлена (можно были бы ее назвать "симптомом") в "Провинциалке" Тургенева, 37) достаточно нам известной (Алексей Иванович—Дарья Ивановиа—граф Любин принам реврасть муже получе назвать "симптомом") в "Провинциалке" Тургенева, зарастаточно нам известной (Алексей Иванович—Дарья Ивановна—граф Любин, причем ревность мужа подчеркнута). Уже без образа мужа, ситуация двухперсонажная—значительное лицо и молодая девушка — развита в повести Панаева "Галерная Гавань", зв) где значительное лицо обольщает девушку, мать которой, как это неизменно в таких случаях, умирает от разрыва сердца. Девушка топится, иначе говоря, в обстановке Перетбургского предместья развернут сюжет "Бедной Лизы". Аналогичным образом повесть "Благодеяние" развертнвает один из мотивов "Победы от обеда" Булгарина. Бедному чиновнику Городкову предлагают жениться на любовнице его превосходительства Луизе Казимировне (вспомним, что и эта традиция, в силу которой у лица есть любовница—немка, опять таки ведется от Гоголя—в пов. "Шинель" значительное лицо ездит к Каролине Ивановне, "даме, кажется, немецкого происхождения, к которой он чувствовал совершенно приятельские отношения" II, 114). Городков с негодованием отказывается, его увольняют, он заболевает и умирает в бедноста, в то время возлюбленная его Наташа Берестова жлет его приезда. зо) В повести Мельникова Печерского "Непременный" сюжет этот развернут с благополучным финалом. Андрей Тихонович, "плешивенькое, коренастое создание, вечно в форменном сюртуке и в мухояровых панталонах". При жизни родителя Андрей Тихонович получил регистраторский чин, и получал жалованья по 95 коп. в месяц. Каким образом он стал непременным

заседателем? Его превосходительство женил его в спешном порядке на своей любовнице. Через 3 месяца у него родился сын". 40) В пов. Буткова "Хорошее место" бедный чиновник Чечевичкин тщетно добивается места, пока не посылает к начальнику хорошенькую жену свою с просьбой о месте. Дело устраивается, но чиновник должен уходить каждый день в шесть часов вечера из дома "по поручению"—мотив отскочивший в новеллу Чехова "На гвозде". Узоры здесь так мелки и переплетенья их так часты, что мы лишены возможнопереплетенья их так часты, что мы лишены возможности разобрать все возможные здесь случаи; ограничимся лишь указанием повести Григоровича "Соседка" (у молодого чиновника оказывается соседка, хорошенькая девушка. Он волочится за нею, но вдруг является его начальник—покровитель и девушки и производит скандал); упомянем ситуацию "Луидора", где значительное лицо и его подчиненный даже стреляются—ситуация совершенно в русской повести необычная и невероятная. Мотив женитьбы чиновника на любовнице его превосущительства особенно натроблен волеециям. ная. Мотив женитьбы чиновника на любовнице его превосходительства особенно излюблен водевилем; в 1846 году им развертывается поистине виртуозная по композиции повесть Буткова "Первое число". Живут два бедных чиновника, один совсем "из простых", другой—кандидат университета, одного зовут Евсей Евтеич, другого Евтей Евсеич (инверсия с повторами в именах). Служат они в разных департаментах и начальники их каждого женят на любовницах своих; один на Каролине Ивановне, другой на Машеньке. Оказывается, что и Машенька, и Каролина Ивановна—одна и таже девица, просившая двух своих покрозителей, порознь, "выдать ее замуж". Евсей Евтеич, входя к невесте, видит у нее Евтея Евсеича, в порыве ревности он сжигает вицмундир друга. Оба сходят с ума, "крутясь в адском вальсе", и "на следующий день в сумасшедшем доме оказывается двумя обитателями больше". Впоследствии пятичленная композиция повести отразится на "Романе в 9 письмах" Достоевского. Постоевского.

Мы видели, что значительное лицо может быть 1) отцом молодой девушки, 2) любовником ее, "покровителем" и, следовательно, соперником бедного чиновника; мотив третий и последний формулируется так: "значительное лицо — есть начальник чиновника по службе." В этом случае последний пытается устроить свое семейное счастье, а начальник ему противодействует Новестей с этими мотивами не перечислить: уже известные нам "Демон" Павлова, "Макар Осипович Случайный" Некрасова, "Чиновница" Плещеева, "Дальний родственник" Гребенки—"Юмористические рассказы" Абракадабры и проч. 42) Новой явится новесть Зотова "Любовь мелких людей". Писарь Чужбин любит жену товарища. Муж ее знает об этом и жалуется по начальству. Тикого и смеренного Чужбина увольняют, он заболевает горячкой, и в отчаянии отравляется. Писарша родила ребенка, он умирает, она топится. На фоне канцелярской жизни для нас особенно интересен образ старичка-чиновника, сильно напоминающий Покровского и Девушкина; он носит писарше книги, покупая их на носледние свои деньги и проч. 43)

Таковы главные три персонажа составляющие трааидионный епѕетые рассказов о чиновнике. К ним можмо добавить еще двух, более редких, но все же встренающихся. Это во первых — квартирная хозяйка (напр.
"Горев", "Бедные жильци"), в повести Буткова "Темный человек" и многих других. Во вторых, таким второстепенным образом явится товарищ бедного чинсвника, всегдашний—его конфидент и утешитель, иногда
нартнер в его любовных похождениях (оба мотива
вдесь еще не разделены). Товарищ или уговаривает
чиновника жепиться ("Женитьба" 50) "Соседка"), или расвудительно утешает несчастного в любви товарища
("Дружеские советы", "Часы"). В повести А, Раменского
"Трижды отмеряй, один раз отрежь" 51). "Вася Мошкин"
живет вместе с другом Гришей. Влся влюблен в Наташу,
"прехорошенькую, полненькую, румяненькую, черногла-

зенькую, словом, заглядение!. Он идет делать ей предложение, но по дороге у него рвутся брюки. Он в отчаянии, но друг говорит ему: "Еслибы лопнули брюки там, тебе бы отставку дали". Вася идет во второй разбрюки все в грязи; наконец, в третий раз ему удается поговорить с тестем. Когда тот узнает, что Вася получит хорошее место, он соглашается, и свадьба играется. Позднее та же ситуация с теми же двумя друзьями, девушкой и ее родными будет развернута Ал. Пальмом ("Любовь и скрипка"), а затем и Достоевским в "Слабом сердце", где лишь изменится финал.

Бесчисленной вереницей тянутся через все сороковые годы эти повести о бедных чиновниках. Сравнительно небольшим диапазоном темы и об'ясняется то обстоятельство, что ко времени появления Достоевского повесть эта шаблонизируется, и ее ситуации, из которых выветрилась личная, индивидуальная авторская инициатива, сделалась трафаретными. К 1847 году относятся выше приведенные жалобы "Сиб. Ведомостей" и "Моск. Гор. Листка", журналов, сравнительно благожелательных к натуральной школе. Развертывая "Финский Вестник" за 1846 год читаем там следующие строки: "Торная дорога к юмору в современной русской жизни как известно быт чиновничьего люда... Набрать юмористических похождений не трудно: взять любого мелкого чиновнока, взять его, как говорится, бедняком, простаком, заставить попасть в просак, даже в беду, рассказать дело с посильными прибаутками и местными оттенками—получится юмористический рассказ". 57) Кажется на свете много есть смешного и кроме петербургских чиновников... Нашему водевилю, нашей так называемой натуральной школе ни до чего нет дела: подавай им чиновников". 58) И наконец в 1850 году столи натуральной щколы "Современник", разражается поистине саркастической филиппикой; мы приводим ее целиком—она покажет нам, как отчетливо сознавалась современникамя тельно небольшим диапазоном темы и об'ясняется то

трафаретность повестей. "Есть повести и романы, которые словно написаны по известному рецепту... Для составления подобной повести писатель обыкновенно салится на диван и заводит разговор с самим собою, разговор такого рода вопрос: "Желаете ли вы, друг любезный, написать повесть. Ответ: не худо бы, хотя желания и немного. Умозаключение: все лучше написать, потому что, впоследствии желания будет еще меньше. Вопрос: скажите мне, случалось Вам нанимать квартиру—большую, маленькую, с светло-зелеными, или желтыми, или грязными стенами, в каменном доме, в углу, или на наче. Ответ: случалось, и я помню подробности. Умозаключение: Вот и обстановка готова. Вопрос: а межиу жильпами не попапалось ли смешных робности. Умозаключение: Вот и обстановка готова. Вопрос: а между жильцами не попадалось ли смешных стариков, свеженькой девочки, скряги, гуляки? Ответ: как не быть! Вот и действующие лица. Вопрос: ну а главное то, не развертывалось ли между этими жильцами какой нибудь драмы, хотя, например, с неопытной любовью, с ревностью, с противодействием сердитой хозяйки? Что же нибудь да делали жильцы, о чем нибудь да думала же хорошенькая девушка? Ответ: драмы то, правду сказать, не было, но в жизни все—драма. Микроскопические радости, неудачи и страдания нисколько не хуже других страданий, неудач и радостей. Конечно, прама есть, все есть и повесть готова". 59)

Достоевский является именно в то время, когда начинают тяготиться этими выработавшимися трафаретами. Связь его с натуральной школой сразу была угадана. "Финский Вестник" пишет: мы приглашаем читателей обратить внимание на талантливых и более или менее бесталанных, пишущих в духе той школы, которую мы назвали гоголевской. Прибывает товар; значит усиливается и спрос. И так, вот как нынче обстоят потребности публики. Еще лучше доказывается это шумом, какого наделало появление таланта у Достоевского, автора романа "Бедные люди". 60)

Достоевский не вносит новых сюжетов, а как и

жногие другие, пользуется сюжетами "натуральной шкомы". Не как революционер, разрушитель шаблонов, полмодит он к натуральной школе, а как ее законный
смі, продолжатель ее заветов. И поэтому все упреки
критики натуральной школы в трафаретности сюжетов
относились и к Достоевскому. И у него повесть о бедном чиновнике охватывает 0,7 всех произведений раннего периода; и у него действуют те же жильцы, гуляки, скряги, квартирные ховяйки, старички и молодые девушки. Прочная связь соединяет автора "Двойника" с натуральной школой. Знакомые уже нам
мотивы сумасшествия и смерти чиновника—скряги
переходят в "Прохарчина" из "Адама Адамовича
Адамгейна", 61) ситуация "Хозяйки" (отец немец, дочь и
молодой жилец, влюбленный в другую) повторяется в
"Будневе". Смерть чиновника, у постели которого слишком поздно появляется любимая девушка, бытует в "Записках студента", в "Благодеянии" и впоследствии церейдет в "Дядюшкин Сон". Мотив "Чужой кареты"
переходит в повесть Достоевского "Чужая жена". Целал
большая сцена в церкви из повести Погодина "Суженый" перешла в "Хозяйку", будучи безусловно запиствована. 62) Композиционные построения "Заветной скрипки" повторяются в "Неточке Незванной", Потап Васильевич—отображение Макара Девушкина, равно. как повесть Ал. Пальма "Один день из будничной жизни"
поражание "Двойнику". Достоевский не только пользуется сюжетами натуральной школы, но и сам оказывет в ее духе влияние на мелких писателей (думастся
нам, несомненно его впиание в 1847 году на Буткова).
И это понятно и закономерно. Натуральная школа—
огромный горн, где выковывается будущий реалистический стиль Тургенева, Гончарова и Островского. И нас
не удивляет сходство мотивов "Верочки" и "Бреттера"
"Дочери чиновного человека" и "Накануне", совпаденья
сцен от'езда из родной усадьбы в "Верочке" и в
"Обыкновенной истории" Гончарова и т. д.

Достоевский стоит в 1845—8 году в центре натуральной школы, являясь одним из главных ее вождей, и, как вождь, он властно использует раскаленные частицы металла, летящие из горна натуральной школы. Без натуральной школы, без этих нескольких сотен рассказов нельзя понять молодого Достоевского.

В виде экскурса остановимся на одном из самых причудливых и своеобразных его созданий, на "Романе в девяти письмах", которое до сих пор старательно обходилось историками литературы. На нем лежит печать многообразных влияний; по композиции он сходится с "первым числом" Буткова и с водевилем "Полюбовный дележ, или комната с 2 кроватями", но особенно сильное влияние (вопрос о влиянии мы здесь ставим совершенно обдуманно) на него оказал "Роман в письмах", напечатанный за полгода до него. В нем 9 писем и 1 записка, заключающая рассказ (у Достоевского 9 писем и 2 записки) 64. Переписка ведется губернским секретарем Михаилом Ивановичем Махаевым и губ. секретарем Петром Петровичем Прыжко. Язык и синтаксис этой переписки, не говоря уже о композиции и сюжете представляет разительное сходство с "Романом" Достоевского "М. г. Михайло Иванович! Имея крайнюю надоб-

"М. г. Михайло Иванович! Имея крайнюю надобность в деньгах, обращаюсь к Вам, м. г., со всепокорнейшей просьбою, в особенное для меня одолжение, прислать с сим посланным 10 рублей серебром на самый наикратчайший срок. С совершенным почтением и таковою же преданностью имею честь быть вашим, м. г., нокорнейшим слугою. Петр Махаев. 15 ноября.

2-е письмо заключает ответ Прыжко, с препровождением при сем 1 рубля серебром. Письмо 3-е заключает вторичную просьбу Прыжко: "почтить его извещением о получении денег". Письмо 4-ое: "оные деньги мною получены и употреблены". Обратно, письмо 5-ое: "Не оставьте в возможно скорейшем времени присылкою". Письмо 6-ое: "Вновь имею честь отнестись о том же". 7-ое уведомляет, что, если рубль серебром ему не воз-

вратят, то он "найдется вынужденным довести о сем до сведения начальства". VIII—Махаев извещает Прыжко, что "занятия по службе, а также домашние дела, а наиболее расстройство моего здоровья препятствовали мне... исполнить просьбу вашу о присылке вам, м. г., денег рубля серебром. Зная вашу снисходительность" и т. д. В 9-ом, последнем, письме "снисходительный" кредитор пишет: "М. г. Петр Петрович! Усматривая из письма вашего от вчерашняго числа преступные намерения, клонящиеся к ущербу имущества моего в том предположении, м. г., что не упоминая нигде в своих письмах, что вы взятые у меня деньги рубль серебром действительно должны мне и придавая сему займу подложный вид того, будто бы я сам прошу у вас взаймы сию сумму, спешу довести до вашего сведения, что при получении первого вашего ко мне письма и при отправлении вследствии оного к вам оных денег был у меня посторонний свидетель, И. С. Хрипушкин, который все это на деле, хотя бы под клятвенною присягою показать это на деле, хотя бы под клятвенною присягою показать и засвидетельствовать может; а потому, если означенные деньги рубль серебром не будут ко мне присланы немедленно, то я вынужденным напрусь донести об этом его высокоблагородию Ермолаю Григорьевичу. 8 декабря. Михайло Прыжко".

"Записка, присланная губ. секретарем Махаевым к губернскому секретарю Прыжко со вложением рубля серебром — "Подавись, жила!" (надписи и числа не оказалось"

Совиаденья этого рассказа с "Романом" Достоевского очень велики,—одинаковое заглавие рассказов, одно и то же количество писем—9, один и тот же мотив ссоры двух лиц из за денег; тон переписки, сначала льстивый, постепенно делающийся все более грубым, канцелярский язык обоих—сильно сближают оба произведения. Заимствован ли Достоевским сюжет "Романа", или же эти рассказы появились независимо друг от друга—в обоих случаях видны эти носящиеся с воздухе

частицы. Их оформление совершится позже, а пока большие писатели, Достоевский, Тургенев и Гончаров нользуются матерьялом Пальма, Буткова, Гребенки и многих других, 65) имена которых не записаны до сих пор на похвальной доске историков литературы. Достоевский не революционер, а продолжатель, порою наже подражатель. И сентиментальная повесть, и авантюрный анекдот, и будничный быт, и эффектный финал повестей о чиновнике найдут у него продолжение, углубление и подтверждение. К непосредственному морфологическому анализу произведений Достоевского мы и переходим.

В соответствии с общим уклоном сюжетики 40-х годов, Достоевский до каторги преобладающее внимание уделяет излюбленному его предшественниками чиновнику, непременно "бедному", и развертывает его тему теми же мотивами, которые так характерны были для натуральной школы. "Литературной революции" здесь пет. Рассказов, посвященных чиновникам у Достоевского 11: "Бедные люди", "Двойник", "Прохарчин", "Ползунков", "Слабое сердце", "Белые ночи", "Роман в 9 инсымах", "Елка и свадьба", "Чужая жена", "Ревнявый муж" (лишь в 1867 году были контаминированы в один) и "Скверный анекдот", написанный после каторги, но по сюжету относящийся к равнему периоду творчества. Необходимо иметь в виду, что Достоевский писал, по уничтожил "Повесть об уничтоженных канцеляриях".

Героем всех этих повестей является одно лицо, вокруг которого и развертывается действие. Это лицо—униженный, бедный чиновник одного из многочисленных петербургских департаментов. Он характеризуется немногими чертами, также обычными для героев натуральной школы: прежде всего бедностью. И чиновникам Достоевского, как и другим "родители не оставили в наследство ничего, кроме бедности и благородства". Все ови бедны: и Макар Девушки, все свои скудные ередства отдававший любимой девушке, живший впрого-

лодь, ходившей "таким воробьем ощипанным, что чуть сам за себя от стыда не сгорел. Сквозь одежду голые сам за себя от стыда не сгорел. Сквозь одежду голые локти светятся, да пуговки на ниточках мотаются... из санога голые пальцы торчат"... Беден Вася Шумков из "Слабого сердца", вынужденный брать себе на дом вечернюю работу, беден герой "Белых ночей", получающий "1200 в год ассигнациями", беден Пселдонимов, у которого не было деней даже на то, чтобы справить свадьбу. Настойчиво подчеркивает Достоевский бедность своих героев, и с этой точки зрения прав был Булгарин, уверявший, что "Цевушкин в большей части писем беспрестанно толкует о бедственном состоянии своих сапог. Это его idée fixe. С сапогами своими он никак не может расстаться. Он все с ними носится и возится, так что весь роман, можно сказать, написан á pro pos de bottes 66). весь роман, можно сказать, написан á pro pos de bottes 66).

Рассказы о бедном чиновнике и посвящены его жизни; некоторые из них изображают его на службе, среди других чиновников, в департаменте; другие повествуют о его личных, интимных и прежде всего любовных делах. Нам знакомы эти темы по литературе 40-х годов. Достоевский не вносит новых тем, а лишь детализирует и углубляет темы старые. В противовес "Шинели" и "Запискам сумасшедшего" повести Достоевского переносят нас из канцелярии в квартиру или комнату чиновника, говорят нам прежде всего о любви к молодой девушке. Этот мотив любви, лишь слабо намеченный Гоголем в "Записках сумасшедшего", Достоевским развивается в "Бедных людях", "Ползункове", "Слабом сердце", "Ревнивом муже", "Двойнике" и др. Канцелярскую же жизнь, быт, Достоевский заграгивает эпизодически—редко и бегло ("Слабое сердце", "Двойник"). Бедный чиновник в большей части рассказов холост и одинок; сюжетная тенденция Гребенки ("Записки студента"), Панаева ("Дочь чиновного человека"), которая (как мы выше подчеркивали), вводила в качестве отдельного второстепенного персонажа—мать-старушку, которой бедный чиновник отдает последние свои гроши— Рассказы о бедном чиновнике и посвящены

Достоевским отбрасывается. Одиноки и Голядкий, и Васы Шумков, и Прохарчин. Второй персонаж натуральной школы—друг-конфидент чиновника—Достоевским выводится лишь в "Слабом сердце". Все они—"мечтатели"—образ, канонизированный тем же Бутковым ("100 рублей", "Странная история". Лермонтовым ("Княгння Лаговская"—"все чиновники мечтают", гл. I).

Товская"—"все чиновники мечтают", гл. 1).

Любопытны далее фамилии бедных чиновников "смешные" и "уродливые"—прием также каноничеький. Уже Гоголь охотно строит фамилии своих героев по принципу артикуляции (Эйхенбаум "Как сделана іпинель"). Акакий Акакиевич Башмачкин, Поприщын через Евтея Евсеича и Евсея Евтеича у Буткова, Поджабрина Гончарова, водевильных Петра Петровича Присыпочку и Ивана Ивановича Тряпку мы приходим к Голядкину, Пселдонимову, Бобыницину, Океанову, Преполовенко—жильпу, и в будущем—к Мармеладову. Робки эти Пселдонимовы и Бобыницыны не менее, чем Башмачкин и Евтей Евсеич, хотя последние лет на цять их старше. донимовы и Бобыницыны не менее, чем Башмачкин и Евтей Евсеич, хотя последние лет на пять их старше. Робость становится понятной, если принять во внимание их болшей частью титулярный чин. Вася Шумков боится, что его отдадут в солдаты за непереписанный доклад, Девушкин говорит про одного своего друга, такого же чиновника: "Робкий, боится всех, ходит стороночкой, уже я застенчив подчас, а этот еще хуже" Вторым образом повестей является молодая девушка. опять таки переходящая в повести Достоевского из других повестей 40-х годов. Черты ее также традиционны: она почти всегда бедна (Варенька Доброселова в "Бедных людях", Настенька в "Белых ночах", Лизанька в "Слабом сердце", Неточка Незванова "В тех случаях", когда она богата она не действует вовсе (напр. Клара Олсуфьевна в "Двоинике" ср. с героиней "Записок сумасшедшего"). Любопытно, что, как у чиновника всегда "артикулярная" фамилия, так и у нее—уменьшительное имя—Настенька, Неточка, Варенька, Лизанька. Этот прием еще более подчеркивает сентиментальность и однотонность этих женских образов. Черта эта подмеченная критикой. Добролюбов, напр., пишет: "У Достоевского есть несколько любимых типов... идеал какой то девушки, который ему никак не удается представить: Варенька Доброселова, Настенька из села Степанчикова, Наташа в "Униженных и оскорбленных"—все это очень умные и добрые девицы, очень похожие на автора, но в сущности, очень бесцветные"... Все они—дочери разорившогося чиновника ("Бедные люди", "Белые ночи", "Село Степанчиково", "Слабое сердце"), или помещика ("Униженные и оскорбленные"). В отношениях с чиновником и с окружающими они пассивны, постоянно подчиняются обстоятельствам. Варенька повинуется Быкову, Лизанька—Васе, Машенька в "Ползункове"—отпу, который то выдает ее замуж за Ползункова, то разрушает их счастье.

Чертой канонической является и их красота. Как и "Дочь чиновного человека" и "Райская пери", все героини Достоевского не просто хороши или милы, а прекрасны. Мы не говорим уже о генеральской дочери Кларе Олсуфьевне, "прелестной очаровательнице": Катерина ("Хозяйка")— "чудно прекрасна". Девушка в "Елке и свадьбе"—чудная красавица, в Александре Михайловне поражает строгая прелесть ее красоты; Настенька в "Белых ночах"— "премиленькая и умненькая, а это при красоте никогда не мешает".

Как и чиновники, они в огромном большинстве случаев одиноки: у них нет отца ("Слабое сердце"), или нет ни отца, ни матери ("Бедные люди", "Белые ночи", "Неточка Незванова" и проч.).

Наконеп, третьим персонажем, традиционным со времен. Гоголя для повести о чиновнике является у Достоевского "значительное лицо"—начальник чиновника. В противовес двум других образам чиновника и девушки, развертываемым полно и детально—значительное лицо всегда намечен бегко; даются некоторые обязательные для него черты—строгость, важность и проч.

Почему это так, выяснится далее при анализе динамики повсстей.

Эти лица за малыми исключениями встречаются во всех повестях Достоевского. В самом деле: Макар Девушкин, Варенька Доброселова и Быков ("Бедные люди"), Голядкин, Клара Олсуфьевна и статский советник Берендеев ("Двойник"), Вася Шумков, Лизанька и Юлиан Мастанович ("Слабое сердце"), Ползунков, Машенька й Федосей Николаевич ("Ползунков"), Пселдонимов, жена его и его превосходительство ("Скверный анекдот"), мальчик, девушка и Юлиан Мастакович ("Елка и свадьба"), С. О. (написавший письмо), Александра Михайловна и муж ее ("Неточка Незванова").

Исключений из этого правила у Достоевского два, в "Прохарчине" и в "Белых ночах", но в последней повести образ значительного лица заменен вторым образом молодого человека, ("два искателя молодой девушки"). Если мы припомним в качестве вспомогательной ситуацию "Хозяйки"—(Ордынов, Катерина и завладевший ею Мурин), то станет ясна эта неизменность количества лействующих лиц. Условимся их называть в дальнейшем персонажным трехчленом повестей о чиновнике. Несомненио, что такой трехчлен бытовал и до Достоевского, но у него, может быть, обозначился резче.

Каждый из трех лиц — чиновник, девушка и лицо—лежат в основе своей темы. Тема чиновника является в персонажном трехчлене господствующей и наиболее полно развернутой. Каждый образ развернут одним характерным для него мотивом. Для чиновника наиболее характерным является мотив любви к молодой девушке. Мотив этот развернут в 14 повестях (все повести раннего периода, включая и "не чиновничий"). Макар Девушкин любит Вареньку, Голядкин—Клару, Ползунков—Машеньку... Евгений Пиколаевич—Татьяну, ("Роман"), Вася—Зинанду ("Дяд. сон"). Наконен, в "Прохарчине", где девушки нет, ее заменяет....

Устинья Федоровна! Здесь Достоевский употребляет прием намека: "говорили, что Прохарчин будто бы попал даже в ее фавориты... Говорили, что у нее был тут свой особый рассчет". Нигде, может быть, эти черты продолжателя сюжетики натуральной школы у Достоевского не проявляются так сильно, как в развитии мотпва любви.

Значительное лицо по отношению к чиновнику является начальником; здесь развертывается второй мотив повестей—мотив начальнических отношений; примеры: "Двойник", "Прохарчин", "Слабсе сердце" "Ползунков" и др. Что касается третьей стороны нашего трехчлена, именно отношений значительного лица к девушко, то здесь могут быть два мотива. Первый мотив родственных отношений (если она его почь "Цвойник", "Ползунков" или жена "Ревнивый муж", "Неточка Пезванова") или, во вторых, мотив соперничества с чиновником, когда он намеревается овладеть девущкой—(Быков в "Бедных людях", или жениться на пей (Юлиан Мастакович в "Елке и свадьбе"). Сюда же можно причислить и "Скверный анекдот". Его превосходительству говорят на свадьбе: "я подозреваю, что вы один из тех начальников, которые лакомы до молоденьких жен своих подчиненных!" Здесь лишь намек и мотив соперничества только намечается.

Таким образом три темы чиновника, девушки и "лица" развертываются тремя мотивами: любви начальнических отношений и фодственных отношений (или "соперничества"). Трехчлен получается таким образом не только статически (персонажный), но и динамически (развертыванье мотивов). Все повести о чиновнике строятся на противоставлении этих трех мотивов: отношениям чиновника с девушкой мещают его отношения с значительным лицом и значительного лица с девушкой. Напр., чиновник любит молодую девушку, но она

дочь важного чиновника, и тот не соглашается се выдать за бедняка ("Ползунков", "Двойник").

Мотив начальнических отношений развервут по-

Мотив начальнических отношений развервут постоянными вследствие этого неудачами чиновников Достоевского по службе ("Бедные людв", "Двойник"). Им не дают по службе хода и спя сидят большей частью на переписке ("Бедн. люди", "Слабое сердце", "Ползунков", "Скверный анекдот", "Прохарчин").

Эти три мотива развертывают все повести о чиновнике, в различных лишь комбинациях и с различной функциональною ролью каждого мотива. Так, например, в "Бедных людях" три основных мотива: любовь Девушкина, покорность Вареньки и происки Быкова. "Слабое серяце": мнительность Васи, любовь Лизаньки и безучастие его превосходительства. "Ползунков": любовь Ползункова, покорность Машеньки и по начальнически рассчетливые отношения Федосея Пиколаевича к Ползункову.

Песмотря на индивидуальные различия, фабулаторный скелет всех повестей о чиновнике одинаков: чиновник любит девушку, она его большей частью так же любит, но их счастью мешает "значительное лицо". Их счастью не бывать—чиновник умирает, вли сходит с ума ("Двойник", "Слабое сердце" и "Прохарчин"). Таков родовой сюжет новестей (подобно тому, как в исихологии мы находим родовые образы). Мы знаем уже, что этот родовой сюжет был и преобладающим сюжетом цикла натуральных повестей о чиновнике.

Следующей особенностью сюжета, которая доказывает сюжетно-композиционную однородность всех повестей является его развертыванье, которое происходит одинаково (не взирая на различия композиции): Начинаются все повести экспозицией бедного чиновника, его характеристикой. Далее начинает разгертываться мотивыюви его к молодой девушке; за этим следует краткая

экспозиция образа девушки, после чего часто оказывается, что она так же любит чиновника. Далее последовательно следует экспозиция отношений чиновника к "лицу", катастрофа, вызванная вмещательством последняго и, наконец, финал, в котором выясняется судьба действующих лиц.

Вглядимся, например в "Двойника" – все эти сталии пройдут перед нами последовательно. Начинается рассказ: 1) экспозицией образа Голядкина, его домашней жизни, его прогулки и т. д. 2) Далее оказывается, что он влюблен в Клару Олсуфьевну, 3) Далее экспозируются его отношения с начальством, 4) катастрофа на балу, 5) финал: судьба Голядкина: "казенная квартира с лихт и дровами".

"Слабое сердце": 1) образ Васи, его комната, отношения с другом и др. 2) выясняется его любовь к Лизаньке, 3) выясняется любовь Лизаньки к нему, 4) вмешательство служебных обязанностей в жизнь Васи перепценяванье срочных бумаг, 5) катастрофа (дома и в канцелярии), 6) финан (сумасшествие Васи, сульба

Лизы и Аркадия).

"Ползунков": 1) экспозиция Ползункова, его наружности, манер и проч., 2) история его женитьбы, 3) служебные отношения, ревизия, 4) катастрофа, вызванная обманом его "значительным лицом", 5) финал: "пропали

мы, матушка".

"Бедные люди": 1) письмо Макара Девушкина. экспозирующее его личность, быт, 2) обратные письма Вареньки, 3) вскрываются их отношения—его любовь к ней без взаимности, 4) выясняются ее связи с Быковым, 5) от езд ее, 6) отчаяние Девушкина.

Основным мотивом завязки повестей служит эксповиция образа "бедного чиновника"; основным мотивом развязки—вмешательство "значительного лица" (как например, в пов. "Ревнивый муж"—вмешательство мужа, "его превосходительства и сиятельства"). Катастрофа

вавершается разлукой бедного молодого человека с девушкой ("Хозяйка", "Елка и свадьба", "Нолзунков"), смертью, сумасшествием или лишением его места.

После того, как судьба бедного влюбленного в финале выясняется, молодая девушка клянется ему в том, что никогда его не забудет. "Я буду вспоминать вас часто в мыслях моих" ("Ведные люди"), "Вспоминать вас часто в мыслях моих" ("Ведные люди"), "Вспоминать обо мне когда-нибудь, я же вас никогда не забуду" ("Роман"). "А уж как мы с хозликой будем про ващу милость Бога мелить, то есть во как молить " ("Хозлика"), "Память о вас будет возвышена во мне вечным благодарным чувством к вам, которое никогда не изгладится вз души моей" ("Неточка Незванова"). После этого произдил спелуат разлука на всю жизне, отношения спелуат разлука на всю жизне. прощания следует разлука на всю жизнь; отношения влюбленных этой разлукой закончены навсегда.

Перейдем к сюжетике повестей, поскольку она непосредственно связана с композицией их. Мы здесь вынуждены констатировать, что повести о бедном чиновнике имеют тенденцию к тому, чтобы сделаться анекдотом. Иные из них безусловно представляют анекдот ("Чужая жена", "Ревнивый муж", "Роман в 9 письмах" и т. д.). Другие с первого взгляда как будто бы не являются такими, но, проанализпровав их мы без труга увилим что и здесь есть некоторая анеклотичтруда увидим, что и здесь есть некоторая анекдотичпость сюжета.

Называя сюжет анекдотическим, мы тем самым хотим сказать, что в нем нас, читателей, интересует преимущественно фабула, содержанье в ущерб психологичности и глубине идеологии произведения. Основным признаком анекдота является недостаточная психологическая оправданность содержания. Происшествия в анекдотическом рассказе воспринимается нами, как невероятные, незбычные, редко встречающиеся в действительности. Наше определение грешит психологизмом и относительн стью: мы полагаем однако, что определенье это сительи стью: мы подагаем, однако, что определенье это

и не может быть формально-абсолютным. Нет абсолютно мерила для определения степени невероятности тех или иных ситуаций.

Нам легче всего будет показать все признаки анекдота па каком нибудь типичном для этого жанра рассказе Достоевского, котя бы на "Скверном анекдоте". Это действительно—анекдот, ибо вся острота и неожиданность ситуаций и приключений здесь мало развернута психологическим матерьялом, лица экскизны (его превосходительство, Пселдонимов, "гостн" и др.); ситусици невероятны. Характерно самое их стечение: отсутствие извозчика у генерала, приход генерала на свадьбу писца, опьянение его, ночная катастрофа с новобрачными, болезнь генерала и т. д.. Определение анекдота здесь конечно относительно; так, если бы в том же "Скверном анекдоте" образы были бы более "глубокими", анекдотичность фабулы стала бы менее заметна. Сцены перед под'ездом в "Чужой жене" и в "Вечном муже" имеют между собою много общого; но в то время, как в первом рассказе анекдот количественно заполняет повесть и не будь его—не было бы п рассказа, сцена между Вельчаниновым и Трусоцким есть лишь анекдотичная завязка к психологической повести "Вечный муж". Формальные особенности у анекдота разумеется есть, но они не всецело его определяют. Их две, и обе характерны и для анекдота о бедном чиновнике. Первой является малая велична повести, которую мы называем анекдотичноской. Бали примет повести называем анекдотичноской велична повести у велический правителя на велична повести, которую мы называем анекдотичноской. для анекдота о оедном чиновнике. Первой является ма-лая величина повести, которую мы называем анекдоти-ческой. Если принять "Бедные люди" (психологический роман) за 100 единиц, то "Белые ночи" по размеру по-лучат—35 единиц, "Слабое сердце"—26, "Прохарчин"— 20, "Чужая жена" и "Ревнивый муж" по 15, "Ползун-ков"—10, "Роман в 9 письмах"—8 и "Елка и свадь-ба"—5. Как правило, чем рассказ меньше, тем более он анекдотичен, ибо тем меньше возможности исихологиче-ской мотивировки событий и персонажей правоставлена ской мотивировки событий и персонажей предоставлено

авт ру. "Ревпивый муж"—апекдот в большой степени, нежели "Слабое сердце".

Второй формальной особенностью анекдота мы склонны считать ,, pointe — по определению М. А. Петровского 67) ,, фраза, обладающая двумя признаками: остротой и неожиданисстью. "Пуантировка встречается в конце в виде восклицания или отдельной фразы действующого лица (у Гоголя—,, А знаете ли вы, что у а жирского бея под самым носом шишка? У Достоевского определеная пуантировка в следующих повестях: ,,Ползунков — (хотел было ему в глаза подлеца сказать... Пу?—Да как то не выговорилось, господа! , "Елка и свальба ("Однако рассчет был хорош! , "Велые ночи ("Беже мой! Целая минута блаженства! Да разве этого мало хоть бы и на всю жизнь человеческую? ...—интересно, что этот pointe вошел в литературный обиход, как афоризм самого Достоевского!). Наконец в "Романе в девяти письмах —двойной роіпtе, воспринимаемый параллельно: "Другом останется у вас Евгений Николаевич... желаю удачи ... "Евгений Николаевич... просил меня похлопотать о попутчике; не хотите ли? ...

Вопрос о том, насколько пуантировка характерна для "чиновничьего" анекдота натуральной школы может быть в настоящее времи лишь намечен. Несомненно, что в то время, как психологическая повесть его избегает (повести Михаила Достоевского, Панаева и др.), юмористы охотно его употребляют. Для всех 8 расскавов "Петербургских вершин" Буткова характерна постоянная каноническая пуантировка (особенно "Битка", "Хорошсе место", "Ленточка". Повидимому, и в этом отношении анекдот Достоевского продолжает традицию его предшественников, хотя точные выводы сейчас невозможны.

Несметря на то, что и "pointe" и величина - характерии для анекдота, главная его особенность не в ипх,

а, во внутреннем строении рассказов, в их ситуациях и мотивах. Анекдот о бедном чиновнике, отличающийся особенной штамповкой, особенно насыщен такими присмами. Попробуем показать это на примерах знакомых нам уже повестей 40-х годов.

Морфологический анализ анекдота доказывает, что он отличается динамичностью и сюжетностью. В основе всех повестей, становящихся анекдотами, лежит какое то необычайное происшествие и приключение, которое развертывается без всякой исихологической мотивировки. Приключения и происшествия могут быть чрезвычайно разнообразны: это и внезапное посещение чиновника начальством ("Скверный анекдот"), и разнообразные фриключения чиновника—искателя счастья (Даль "Веловик"), любовные приключения чиновника, стоившие сму места ("Юмористические рассказы" Абракадабры) и т. д. Эта группа чрезвычайно разнообразна; из нее возможно будет выделить 8 мотивов, особенно излюбленных апекдотом. Берем основной его персонаж — "бедного чиновника". Что же с ним случается? Наиболее часты случаи:

- 1. Ошибки. Так, чиновник вместо одного лица встречает другое, понадает не туда, куда предполагал попасть—вместо своей квартиры в чужую, под постель молодой женщины ("Ревнивый муж" Достоевского). Он хоронит молодую девушку, но по ошибке идет за гробом какого то чиновника ("Любовь по гроб" Даля). Иногда чиновник идет с жалобой к начальнику, по вместо этого покупает на последние гроши билеты в лотерею ее превосходительства ("Повесть о том..." Чехова. На мотиве ошибки построен и сюжет; "Ревизора"—впрочем, в этом последнем случае ошибка чиновников тесно связана с другим мотивом—мистификацией Хлестакова и городничого.
- 2) Мотивом мистификации, или обмана развернута повесть Михаила Погодина "Суженый", несомненно из-

вестная Достоевскому—мистификация в бане. На мистификации же построена новесть Буткова "Первое число". где молодая девушка мистифицирует двух своих "покровителей"; чиновник мистифицирует знакомых, уверяя их, что он умер ("Тревогин"). Молодая чиновница устраивает мужу хорошее место путем обмана жены начальника и ее любовника (Плещеев "Чиновница"). Ср. далее водевиль "По городской почте" Григорьева и др.

3. Обширная группа рассказов выдвигает мотив неожиданной в презвычайно важной находки, всецело анекдотический. Такова находка письма к Александре Михайловне Неточкой Незвановой; находка 50 тысяч рублей, завещанных Гореву матерью, в потайном ящикс бюро ("Горев Николай Федорович" Гребенки). Такова перина, в которой нашли 20.000 после смерти музыканта (Чехов "Старый дом") и 2.000, найденные в тюфяке нищого Прохарчина. Сюда же отнесем и неожиданные открытия значительного чиновника Елецкого, что его жена—дочь барского шута ("Нахлебник" Тургенева), или открытие молодого человека ("Извините"). Как бы велики ни были последствия такой находки или открытия—они всегда анекдотичны, так как ничем обычно не мотивнуются. Деньги находят, нищие или у нищого; шут оказывается честным и благородным и т. д. События открытов сопряжены с глубокими психологическими переживаниями, но они всегда влекут за собой занимательные ситуации.

Часто эти открытия делаются посредством подслушивания. 4) Мотив подслушивания бедным чиновником чьих то разговоров часто развертывается Бутковым ("Хоропее место"), Чеховым ("Винт", "Тост"). Невеста чиновника подслушивает его любовное об'яснение с другой ("Букеты, или петербургское цветобесие" Соллогуба). Отчасти эта ситуация развернута и в "Горе от ума"— Лиза, Молчалии и Софья. См. также Зотова "Любовь

мелких людей", Тургенева "Пахлебник". У Достоевского прием подслушиванья, особенно част в его романах (Верховенский, "Подросток" и др.), в ранних же повестях о чиновниках мы встретим его, например, в "Елке и свадьбе".

Пятым мотивом явится внезапная и неожиданная встреча чиновника с кем либо, встреча, ксторая его потрясает и изменяет его образ действий. Чаще всего это встрена с ней, с прекрасной незнакомкой ("Суженый", "Дальний родственник". "Соседка", "Партикулярная пара"; у Достоевского "Белые ночи"), но это необязачельно: бывают встречи с его превосходительством ("Благодарный" Чехова, у Достоевского "Скверный анекдот"), о обманутым мужем ("Чужая жена" Достоевского), либо внезапная встреча его с товарищем (Чехов "Тонкий и толстый"). Упомянем здесь "Лото в клубе", "Луидор", "Иван Иванович", "Наталья Ивановна", "История булавки", "Порядочный человек" и многие другие.

Пестой мотив—внезанное вмешательство третьяго, всегда значительного лица и начальника чиновника, в его отношения с девушкой. Иногда этот приход "третьяго" случается к счастью бедного чиновника. Так, праевжий граф Любин увлекается его красивой женой и дает мужу место в Петер урга (Тургенев "Провициалка"), но обычнее исход неблагоприятный ("Ленточка", "Соседка"). Покровитель "сидит" в день имяиин чиновника у его жены; чиновник, голодный, тщетно ждет его ухода (Чехов "На гвозде"). О том, насколько этотм отив "вмешательства" распространен у Достоевского, мы говорили выше. Добавим еще один пример из "Бедных людей": "У них сирота одна воспитывалась, изволили пристроить ее, выдали за человека известного, за чиновника одного, который по особым поручениям при их же сиятельстве находился Сына одной вдовы в какую то канцелярию пристроили".

Седьмой мотив—смерть чиновника и восьмой—сумасшествие особенно характериы для морфологии финала повестей. Чиновник умирает от нервной горячки ("Шинель"), Иван Николаевич в пов. Плещеева "Благодеянпе", уволенный писец Чужбин, в пов. "Любовь мелких людей", Анании Иваиович— "Темный человек" Буткова и мп. др.) у Достоевского мотив смерти развернут в "Бедных людях" (Покровского), откуда с различными мелкими вариациями попал в "Братья Карамазовы" (смерть Илюши и его похороны): в горячке умирает Прохарчин.

Мотив сумасшествия имеет свою историю. Его геневис необходимо вести от романтической повести (болией частью Гофман). "Отеч. заински" пишут, напрем по новоду повести Корфа "Отрывки из жизнеописания Хомкина" (том 2, стр. 18 библиогр. обзора): Это тесное сближение чиновников с привидениями и дьяволами обнаруживает в авторе намерение подражать неподражаемому Гофману". Гофмановская традиция в русской литературе ведется от Пушкина ("Пиковая Дама", "Медный Всадник") и Гоголя "Записки сумасшедшего". В сюжетике натуральной школы этот чисто романтический мотив на первых порах легко уживается с обще реалистическим стилем школы и исчезает лишь с образованием реалистического стиля 60 х годов. Бытованье романтических мотивов вообще характерно для сюжетики 40-х годов, когда еще не изжиты приемы романтиков.

Среди "натуральных" повестей с эгим мотивом отметим упомявутые выше по повести Булгарина, "Сто рублей" Буткова, "Почтенные люди", "Первое число" того же Буткова и мн. др.

Достоевский сумасшествием своего героя заканчивает "Двойника" и "Слабое сердце".

Думается нам этих примеров достаточно для того, чтобы сделать вывод: Морфологический анализ сюжета о "бедном чиновнике" обнаруживает наличие в нем чи-

его анекдотических мотивов, не углубленных и не развитых исихологически—необычайных происшествий и приключений, мистификаций и сбманов, смертей и сумасшествий, подслушиваний и ошибок, внезапных встреч, находок и открытий. Эти мотивы имеют настолько важное значение в композиции повестей, что и самые повести часто становятся авекдотическими.

Досгоевский це только не составляет в этом отнодостоевский не только не составляет в этом отпо-мении исключения, но, наоборот, в огромном большин-стве своих повестей о чиновнике идет по дороге, уже протоптанной его предшественниками. Критики, а вслед за ними и историки литературы традиционно утвержда-ют Достоевского, как революционера, впервые введшего "исихологическую повесть" о чиновнике в литератур-ный обиход. Такой взгляя должен быть пересмотрен, вбо он не историко-литературный Два уклона легко памечаются в повестях о чиновнике в 40-х годах: намечаются в повестях о чиновнике в 40-х годах: "чистого анекдота" (Даль, Гребенка, Бутков, Соллогуб) и "прихологической повести" (Павлов, Панаев, Пальм и пр.) Достоевский продолжает обе эти традиции. Ошибка историков литературы заключалась в том, что они просмотрели психологическую повесть 40-х годов, которая несомиенно оказала влияние на Достоевского. С другой сторовы, критика не обратила внимания на анекдот у Достоевского, который развертывался в его раннем творчестве наряду с "Бедными людьми" и "Хозяйкой". Историки литературы охотно "простили" "Роман в 9 письмах" и "Скверный анекдот" автору "Бедных людей". Нам, об'ективным исследователям, нечего "прощать" Достоевскому, ибо от этого прощения только упрощается литературная эволюция.

Гипотеза о "психологичности" Достоевского явно не покрывает всего его раннего творчества. Иесомненио, что исключительно психологичны его "Бедные люди", но они стоят в сторопе, и по ним нельзя судить о мело-

дом Достоевском. Но уже в другьх психологических повестях в "Двойнике", "Слабом сердце" и "Велых почах" обычные апекдотические мотивы так ярки изаметны, что эти повести во всяком случае не являются "псины, что эти повести во всяком случае не являются "пеихологическими", как это принято думать. Мотив сумаспествия Васи, развернутый без мотивировки, внезапные встречи и знакомства в "Белых ночах", чрезвычайная сюжетность "Двойника"—все эти мотивы внепсихологичны. Сентиментально-романтический стиль не может скрыть наличность в этих повестих анекдотического костяка, часто выпирающого и обнаженного.

Что же касается третьей группы повестей: "Прохарчина", "Ползункова", "Романа в 9 письмах", "Елки и свадьбы", "Чужои жены", "Ревнивого мужа" и "Скверного анекдота", то здесь мы найдем анекдотический сюжет, совершенно обнаженный и свободный от каких бы то ни было психологических мотивировок; первенство сюжета в этих порестях очевилно.

сюжета в этих повестях очевидно.

Достоевский 40-х годов—двуликий, и педопустимо во имя иконописных целей забывать, что он автор не только "Бедных людей", по и "Романа в девяти письмах". По , Бедным людям", начальному произведению Достоевского, нельзя судить о его творчестве за пять пет. Не только исихологические повести писал Достоевский; он углублял и развивал "натуральный" анекдот о чиновнике вилоть до 60-х годов (1862). Обе традиции

о чиновнике вилоть до 60-х годов (1862). Обе традиции в его творчестве сосуществовали.

Не претендуя на окончательный синтез и на решение вопроса, какой жанр количественно и качественно у Достоевского преобладал, мы перейдем тенерь к критикам Достоевского и постараемся показать, что анеклот его не эпизодическое явление в русской литературе, что критика улавливала связь его с "натуральным" анеклотом, и что и факт непризнания Достоевского обемениется между прочим и анеклотической сюжетикой ранних произведений о чиновнике.

VII.

Анекдот этот сразу был угадан критикой, и она им осталась недовольна. Мы видели, что эта тема сдоим осталась недовольна. Мы видели, что эта тема суслалась мало по малу трафаретом, что она наскучила обществу и критике, на этот раз единодушно требованией новых тем и образов. "В "Двойнике" многих хероших мест, к сожалению, погибло в общей растянутости и неудачной исихологичности рассказа" (88)—это мнение Добролюбова преобладало среди критики 40-х годов. Она не удовлетворена была "неудачной исихологичностью воссказа" (1812) подхологичностью рассказа" и жаждала целучить от него психлоогичность "удачную". Этого то Достоевский и не давал. "Рассказ "Роман в девяти письмах" просто юмористиче ский рассказ в банальном значении этого слова—род литературы, совершенно не свойственный Достоевскому" 69). Попутно кратика сдержанно указывала, чего она хотела бы от писателей: "Бутков написал "Петербургские вершины". Этот писатель не задает себе важных вопросов, но в нем видна верная наблюдательность" ⁷⁰). Между тем, важными стали именно эти вопросы. "Гоголь изобразил пошлое в жизни чиновников и помещиков; натуральная школа осталась при тех же чиновниках и помещиках"—пишет Москвитянин. "Отечественные записки" сожалеют, что г. Бутков совершенно убежал (может быть и случайно) тех тем, которые составляют камни преткновения для его таланта—именно тем пси-хологических ¹. Между тем Достоевский не следовал советам критики, он выбирал, вычурные темы, вероятно не без рассчета на эффект, к которому он уже в ту пору выказывал особенное пристрастие 12). В огромном большинстве случаев критика осталась недовольна анекдотом и когда прошел шум, поднятый по поводу "Бедных людей", критика стала находить, что Достоевский слишком уже любит сводить с ума своих героев" (Добролюбов), что "Прохарчин не вынощен автором и обри-

сован весьма неполными чертами, так что читатель не может представить себе душевного процесса, который вывел героя на гибельный путь и привел к жалкой смерти ⁷³), что вместо глубокого психологического анализа в повестях Достсевского появляются элементы чилиза в повестях Достсевского появляются элементы чисто анекдотического свойства или публицистического характера"..., Как ни мастерски писал оп, как ни многозначителен был его талант—в повести "Ползунков", в рассказе о том, как ловко провел начальник подчиненного... серьезного смысла и значения искать было трудно. Еще меньше можно было видеть его в чисто анектическом рассказе о том, как старый ревнивий муж, стремившийся изобличить неверность жены, попал в комическое и невероятное положение в чужую квартиру под кровать"... "Слабое сердце" трудно поняты автор не показывает, каким образом работа Васи, перемежающаяся с радостями свиданий с невестой и востищения ею приводит юношу к потере рассудка 71. Слевом, всюду в вину Достоевскому ставится антипсихологичность его сюжетов, которые, как "Скверный анекдот", являются телько "слишком банальными" анекдотами. И мы поймем, что на этой же точке зрения стоял Белинский, находя, что "не вдохновение, не свестоял Белинский, находя, что ,,не вдохновение, не свостоял Белинский, находя, что ,,не вдохновение, не све-бодное наивное творчество породило эту странную по-весть (,,Господин Прохарчин'), а что то в роде... не то умничания, не то претензии... Цоэт освещает иламен-ным светом своей фантазии все сердечные изгибы... пред-ставляя нашим глазам одно необходимое, как неизбеж-ный результат дастаточной причины' ⁷⁵). И тот же Бе-линский говорит по новоду Буткова: ,,Вопрос, обнару-живается ли в ,,Первом числе" художественный талант и тот ум, которого деятельность выражается не в умении придумать завязну или развязну анендота, а в совнаний иден... Самая хитросплетенность рассказа уже преду-беждает читателя протие художественного таланта г. Буткова"... В общем, критика вполне угадывает недостатки "натуралистов", и когда она устами "Москвитинина" говорит, что "юмор автора большей частью не в мысли, а в словах", то подмечает совершенно верно эту анекдотичность рассказов. Когда критик находит, что в "Иване Саввиче Поджабрине" Гончаров "много пожертвовал фарсу", мы легко вскроем недовольство критики, в ту пору, ставшей "гуманной". Она требовала совершенно иного. Гениально было восклицание Белинского но прочтении "Бедных людей": "Это первая понытка у нас социального романа"—он в этом восклицании сразу выразил все упования и надежды своей группы. Критика все чаще и чаще начинает стаповиться публицистикой и, разбирая сюжеты, их "корректировать": "Так стало быть положение этих несчастных, забитых упиженных и оскорбленных людей совсем безвыходно?"—патетически спрашивает Достоевского Добролюбов!

В стремлении сделать писателя глашатаем своих идей критики упрощают его произведения, настойчиво их гуманизируя и заботливо стирал все признаки анекдота, как "банальные" и несерьезные. Добролюбов строит на матерьяле Достоевского "идеальную теорию общественного мехашама", Введенский уверяет, что в "Елке и свадьбе" "проводится старинная мысль о ненормальности неравного по возрасту брака", Булич найдет что, то, что Вася сощел с ума из боязни, что его отдадут в солдаты, психологически вероятно. Такое наказание тогда было вполне возможно (!) ⁷⁶). В результате такого приспособления, "гуманными, оказались самые невинные его рассказы.

Вторая часть его сюжетов—анекдотические—должна быть восстановлена в правах, и тогда роль его в сюжетике 40-х годов станет ролью продолжателя натуральных традиций.

VIII.

В работе над "Неточкой Незвановой" Достоевского застает заключение в каземате и 8 летний перерыв твор-

ческой деятельности. Цики повестей из жизни бедного чиновника завершается. Когда через 8 лет Достоевский вновь получил возможность вернуться к литературной деятельности, он принимается за другие темы. Образ бедного чиновника встречается у него в некоторых критических статьях и в романах, но теперь он лишен того центрального значения, которое имеи до каторги. Сентиментульный или авантюрный жанр повестей о бедном чиновнике закончен. Начинается разработка этой темы сквозь дымку личных воспоминаний, в стиле мемуарном.

Такую разработку темы представляют две малоизвестные статьи Достоевского за 1861 год: "Нечто о раскольниках и нечто о чиновниках" и "Петербургские сновидения в стихах и прозе" 77). Обе статьи очень интересны для характеристики тех тем, которые занимают молодого Достоевского. В первой статье рисуется образ петербургского чиновника, "постоянно хлопотливого и работящего, который прослужил всю свою жизнь. Так бегал он от жизни, и жизнь сама от него убежала вдаль, певозвратно оставив его с одними мертвыми бумажными грудами".

Вторая статья интереснее. Она представляет из себя как бы "дневник мечтателя", близко подходя по стилю к "Белым ночам". Начинается она реминисценцией из "Слабого сердца", целиком воспроизводя то место повести, где молодой мечтатель остановился у Невы и бросил взгляд на реку. "Становился мороз в 20 градусов... Мерзлый пар валил с усталых лошадей, с бегущих людей" и т. д.

И вот, на этом фоне стараго Петербурга, Достоевский развертывает целую цепь варнаций на темы повестей раннего периода. "Когда судьба вдруг толкнула меня в чиновники, я... служил примерно, но только что конец, бывало, служебные часы, бегу к себе на чердак,

развертываю Шиллера, и мечтаю, и упиваюсь и т. д. У него есть знакомый чиновник, у которого "всего имения было только "шинель, как у Акакия Акакиевича, с воротником из кошки, которую, впрочем, всегда можно было принять за куницу"...

"Жил был один чиновник, разумеется, в одном де-"жил оыл один чиновник, разумеется, в одном департаменте. Ни протеста, ни голоса в нем никогда не
бывало; лицо вполне безгрешное. Белья на нем почти
тоже не было" (реминисценции из "Прохарчина" — у
того также не было белья). От бедности, холода и голода он вдруг "заговорил, как Валаамов осел, но проговорил так странно, что его отвезли в сумасшедший дом".

Следующая история как бы реставрирует "Прохарчина": "Открылся вдруг новый Гарпагон, умерший в
самой ужасной белности на групах волота. некто

самой ужасной бедности на грудах золота.. некто отставной титулярный советник Соловьев, имевший около 80 лет от роду. Он нанимал себе угол за ширмой за три рубля... за квартиру во время не платил, оставнись после смерти должен за целый год... Он отказывал себе в свежей нище даже в последние дни своей жизни. После смерти Соловьева, умершего на лохмотьях, посреди отвратительной и грязной бедности найдено было в его бумагах 169,022 р. кредитными билетами и наличными деньгами".

наличными деньгами".

Эта критическая статья представляет пересказ тем "Прохарчина", "Слабого сердца" и "Велых ночей" с постоянными подчеркнутыми реминисценциями из Гоголя. Очень показательно то, что "бедному чиновнику" после 1862 года ("Скверного анекдота") Достоевский уже не посвящает произведений. Задумав в 60-х годах роман "Пьяненькие", который должен был разработать гопрос о пьянстве, Достоевский этого романа не написал.

Он уже в ту пору задумывается над темами этикопсихологическими и ему не до вариаций на тему о "бедных людях". Замысел "Пьяненьких" переходит к 1866 году в роман "Преступление и Наказание", а герой

замысла, пьяненький чиновивк Мармеладов, входит в качестве эшпаодического лица в новый роман. В "Преступлении и Наказании" мно: ое напоминает узоры ранних повестей: сам Мармеладов, спвешийся чиновник, когда то чистенький и благородный напоминает Макара Девушкина, также "пьянен кого" (и отчасти старика Покровского). Психологический облик Сонички восходит к Вареньке Доброселовой, жильцы Амални Ивановны напоминают Зимоней и преполовенко—жильца из Прохарчива. Наконец ситуацию, до такой степени характерную для повестей о чиновнике образуют Разумихин, влюбленный в красавицу Дуню, Дуня и ее жених—"значительный чиновник" Лужин. Все эти образы воспринимаются на фонераних повестей, как продолжение старого, но, конечно, это не так. И Катерина Ивановна, и Сснечка, и Мармеладов, и Тужин—персонажи второстепенные и темы их также же второстепенные, по сравнению с темой Раскольникова, густо насыщенной новыми ситуациями и мотивами. Здесь "пьянепькие"—липь фон для "Преступления и Наказания", а привычные узоры первых повестей сильно усложняются. И когда в 1870 году появляется "Вечный муж", то при всем сходстве первой сцены (у под'езда) с повестью "Чужая жена" нельзя не заметить между ними глубокое различие. Там эта встреча мужа с любовником трактуется, как анекдот и замкнута в себе—тут глубокий психологический жанр. Там—псключительно эскизный набросок персонажей, заесь—глубокие и четкие Трусоцкий и Вельчанинов. Там анекдот, здесь—психологический роман с анекдотической завязкой. Общие черты процесса ясны: Достоевский, не удовлетворяясь более темами "натуральной школы", бросает мало по малу тему "бедного чиновника", лишь изредка пользуясь этими образами, как фигурами фона. Сбрасываются старые одежды, за 20 лет порядочно обветшавшие. Между тем, оставленная писателем тема в 50-х и 60-х годах развертывается новым матерьялом в соответ-

ствии с общим умонастроением и спросом 60-х годов. В 50-х годах еще живет прежняя "натуральная" трактовка темы о бедном чиновнике, лишь отойдя на второй план. Эга трактовка дает подчас неплохие образцы такого канонивированного анекдога: таковы "Чиповница" Плещева (1859), его же "Шалость" (1861), "Чиновник" (1863), "Мои сослуживцы" и "Робкий человек" Г. (1863 и 1864) в особенности "чиновник" Афанасьева-Чужбинского (1856) и "Любовь мелких людей" Зотова (1857). Но наряду с этим появляется повый жанр повестей, где та же тема развертывается с яркими подчеркиваниями 60-х годов, обличительно—гражданский. Интересна в этом отношении комедия Львова, имевшая громадный успех—"Предубеждение, или не место красит человека, а человек—место" (1858). Вначале как будто бы старые ситуации: молодой, бедный чиновник любит дочь генерала, она так же любит его, во отец против их брака, потому, что (здесь—повый элемент) молодой человек—становой пристав. Комедия тралиционно завершается весслой свадьбой влюбленных, но новой является концовка: генерал примиряется с молодым чиновником, ибо "не место красит человека, а человек место". Яркая печать 60х-годов лежит и па комедин Островекого "Доходное место". Герой ее бедный, по стойкий, честный чиновник Жадов; особенно патетично и обличительно последнее действие: правда восторжествовала, и бедный чиновник счастивь. чиновник счастлив.

Проходят 60-ые годы, пастает обмеленье сбщественной жизни и анекдот снова мельчает, приобретает юмористический сттенок. Сатира сменяется пропией и легким безобидным смехом. Перед нами 30 анекдотов о бедном чиновнике Антоши Чехонте 78). Прежние, казанось бы, забытые узоры продолжаются: канцелярский быт с мелкими чиновниками и громовержцами начальниками ("Рассказ которому трудно приискать заглавие", "Лотерейный билет", "Смерть чиновника", "Магне-

тическое средство", "Сушая правда", "Речь и ремешок" и другие); быт чиновников, их дежурства в праздник ("Мелюзга"), их вяятки ("Справка"), наконец, анекдоты с ситуацией: муж—жена—любовник, его превосходительство ("На гвозде", "Дурак", "Анна на шее", "Благсдарный" и др.) Сам мелкий, бедний чиновник с прежней артикуляционной фамилией Кашалотова или Прекръсновкусова невольно заставляет нас всиомнить Панаева и Гребенку, Булгарина и Буткова. Безусловно справедливым представляется мнение проф. Батюшкова: "Никакой общей тенденции" говорит оп, "нельяй было вывести из последовавших за "Бедными людьми" рассказов. Гуманическое направление, которое придумал Добролюбов, в сущпости весьма мало соответствует действительному содержанию произведений Достоевского за этот период и, странным образом, только теперь, пережив творчество Чехова мы как бы ближе подходим к пониманию этих художественных опытов Достоевского тэ).

Это несомненно так, и понятно почему: и Достоевский, и Чехов вышли из этого анекдота о "бедном чиновнико". Вот почему Чеховские ранние рассказы зачастую повторяют мотивы Достоевского. Сравним напр мотив находки дене: у бедного нищего в "Прохарчине" и "Старом Доме"; эпизод с листом в передней у его превосходительства в "Слабом сердце" и в рассказе "Тайна". Наконец, пов. "На гвозде" ближайшим образом сходится по сюжету с повестью Буткова "Хорошее место". У Ангоши Чехонте оживают ситуации, так обильно встречавшиеся в сюжетике натуральной школы.

Достоевского пора изучать не только an sich, но и как литературное явление, поставив его в одпу фалангу русских писателей. Его сюжеты не явились результатом его личного писательского творчества; элементы их, подчас уже комбинирующиеся, бытовали до него в сюжетах

натуральной школы. Ему так же, как и Гоголю оставалось произвести их отбер и творчески их комбинар вать. Повидимому, это приходится на долю всякого большого писателя. Он немыслим вне связи со средой; даже тогда, когда он от нее отталкивается, ее преодолевает. Как говорил еще Паскаль, великий писатель, хотя на голову и выше мелких, но ногами он стоит на той же почве, что и они. Эта "литературная почва" должна быть изучаема прежде всего потому, что только после этого станет ясной вся творческая инициатива великого писателя. Прежде чем решать, как великий писатель преодолевал литературные шаблоны, надо установить эти шаблоны...

"Значенье второстепенных писателей редко бывает ценимо с соответствующих точек врения".

Ноябрь 1922 г. Москва.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Горифельд .О русских писателях" І, 49 сл.

2. Тынянов Юрий "Достоевский и Гоголь" П. 1921. В. В. Виноградов "Стиль петербургской поэмы", "Двойник" 1922. В. Ф. Переверасв "Творчество Достоевского".

3. Польвуемся некоторыми замечаниями В. Виноградова; во

всех других случаях пособия заменены источниками.

4. Веселовский "Поэтика сюжетов" т. 2-й, вып. І.

5. Эйхембаум "Как сделана шинель". И сочинения Гоголя в изд. 7, том. 2, сгр. 621.

6. Сочинения мад. Х, том 6, стр. 589.

7 "Начало 1922 № 1 Виктор Виноградов "Сюжет и компови-

ция повести Нос.

- 8. Гоголь. V, стр. 610 и II, 610—"Записки сумастеднего" первоначально помещены в "Арабесках" 1835 г. а "Шинель" в "сочинениях Н. Гоголя" 1842.
- 9. По независящим от нас обстоятельствам эти повести остались непросмотренными. Содержание трех листков цит. по Виноградову об. "Достоевский" ред. Долинина 1922, Сиб.

10. См. его же "Чиновник" Сиб. 1842—вариални на тему о

живни чиновников - фив. очерк.

 Булгарин Памятные записки титулярного советника Чухина или простая история обыкновенной жизни" Сиб. 1-35, 2 части.

12. Павлов Н. Ф. "Новые повести" Спб. 1839. Из писателей 30-х годов Павлов особенно несправедливо забыт историей литературы.

13. "Шинель" Гоголь II, 85.^м

14. "Московский Городской Листок" 1847 № 116, стр. 46...

15. Плетнев. Сочинения, том 2-ой.

16. Спб. Ведомести" 1847 № 4. Э. Губер, стр. 14.

17. Ал-др Пальм Один день из будоичной жизни Моск Гер. Листок 1847 № 115, стр. 479.

- 18. Несомиенно здесь отвруки знаменитого "гуманного места" "Шинели" ("я брат твей") с. у М. З. "Иван Иванович", Отеч зап. 1858, VIII, то есть через 16 лет после "шинели": "Господи, господи! Вот живут в довольстве, кажись не из за чего бы алитьси—а злы! Смеются над человеком, который вырабатывает кусок хлеба и вицмундир, сидя всю жизнь свою, скорчившись, над бумагами, наживает и кашель, и немилосердную боль в голове, и ломоту в пояснице".
- 19. П. Горский "Сатирические рассказы" Спб. 1864, часть І-я "Болные жильпы" 55.
- 20. Стиль носит (через 20 лет) сильный отнечаток гоголевской поколы; гоголизмы на каждом шагу (особенно «Мертвые души» стр. 18. 94, 5, 6, 7 и далее 141) эпизод "мертвых душ" (в трактире).
 - 21. Плещеев "Призвание", "Светоч" 1860, І и ІІ

22. "Отечеств. записки" 1839, 3.

23. Сочинения 1862, том I.

24. Соллогуб В. А. "Вукеты или нетербургское цветобесие" ${\rm Cn}$ б. ± 845 (шутка в 1 действии).

25. Ал-др Пальм "Спб. Вед." 1848 № 207. 26. Бутков "Петербург. вершины" 1846, I.

- 27. Плещеев "Буднев" Рус. вестник 1858, том 12 № 3 и 4.
- $28.~{
 m H}$ А. Перепельский (Некрасов) "Пантеон и репертулр" $1840~{
 m Ne}~5$

29. Над. Вол "Верочка" «Отеч. вап.» 1948, 8, смесь.

- 30. Несторенко "Chef d'œvre" «Литер. Газета» 1843 № 25; история мещанского брака мелкого чиновника на дочери своего начальника и их идиллическая жизнь—в пов. А. Климовича "Большое Лото"—"Пан вой и репертуар" 1844, 3.
 - 31. Г-жа Айкар "Луидор", «Литер. Газета» 1833 № 43

32. Плещеев "Дружеские советы", «Отеч. зап.» 1849, 3.

33. Барон В. «Литер. Газета» 1840 № 101.

- 34. "Современник" 1850, И см. также пов. Мих. Достоевского "Дочка", где рассказана история неудавшегося брака дочери чиновника с их жильцом «Отеч. записки» 1848. 9.
 - 35 «Отечеств. записки» 1848, 8, смесь.
- 36. Отметим еще 2 новести: первая (пьеса) построена на мистификации отда дочерью и возлюбленным; Григорьев »По городской почте». Бедный чиновник Прыгунов любит сироту-воспитанницу Лелечку, но жениться не может, ибо он бев места. Путем мистификации (подложное письмо) он достает место, на которое претендовал Бедняжкин. Друган повесть Медведовского "история булавки" «Сиб. Вед. 1847 № 42. Молодой чиновник нашел на улице булавку; на балу одалживает ее начальнице, угождает ей и "черев 2 педели он столоначальник" входит в дом начальника, но возбуждает ревность мужа; чиновник терлет место.

37. «Отеч. записки» 1551, 1.

38. Панаев И. «Сочинения» том 5, 1840

39. «Рассказы Моск. Вестника» 1859, том 7 и 8.

40. «Русский Вестник» 1857, том 8.

- 41. Григорович, сб. «Для легкого чтения» том 2.
- 42. «Юмористические рассказы нашего времени» Абракалабры. Спо. 1846, 2 кп. Феклист Парамонович, бедный чиновник, влюблен в дочь экзекутора. Она кокетничает с нии, поручает ему покупки на его деньги (ср. «Бедные люди»). Выходит за другого замуж; чиновник заболевает, его выгоняют.
 - 43. «Сын отечества», № 7 и 10.
- 44 Афанасьев-Чужбинский «Русский Вестник» 1856 IV, ср. описание канцелярии в пов. «Служба и дружба» Р. М. Зотова: «Какой приятный, торжественный и великоленный вид представляет всегда департамент в минуты присутствия... О, как все приятно и великоиепно! Какая поучительная картина во всякой служебной сфере! Сколько в ней филосовского и астрономического» (Пант и Рен), 1841, 2.
 - 45. «Отеч. зап.» 1840, том 13.
- 46. «Отеч. зап.» 1849. 2, том 62. Ракитин, «чиновник из-недовольных», «мечтатель», покупает за 5 рублей на толкучке таннственную картину (Рубенс?). Его товарищ ее покупает у него за 3.000. Художника эта картина мучает; он «свернулся» в теченне месяца. Финал-Ракитин, получив деньги, "самый краснощекий и практичный человек в своем порядочном кругу».
 - 47. "Современник" 1859, XII.

48. "Отеч. вап 1859, б.

49. "Литер. гавета" 1845, № 6, от 8 фавраля.

50. "Сочинения" Спб. 1842, том. 4.

- 51. "Литерат. Газета", Ал. Раменский, 1845, № 26 "Трижды отмеряй, один раз отрежь".
 - 52. ", Пантеон и репертуар" 1848 Ne III, 103

53. .. Пантеон и репертуар" 1848, IV. 54. Машков II. «Повести Спб. 1833—5, 5 тт.

- 55. Островский «Записки Замоск, жителя». Характерная манера гоголевского сказа... Наружность Ивана Ерофеича... но, позвольте... почтенные читатели, я боюсь и за себя, и за Ивана Ерофенча; боюсь... птак, я не покажу вам Ивана Врофенча, но Иван Ерофенч просится на свет" и т. д.
- 56. Барон Корф "Мундир" "Спо. Вед." 1847, № 117 след. Александр Иванович подписал не глядя бумагу; скандал в департаменте. Ведного чиновника невинного увольняют. А. И. еходит с ума. 57. "Финовий Вестник" 1846, VIII, 73 сл.

58 "Спб. Вед." 1847, № 84.

59. "Современник" 1850, 11, 29 сл.

60. "Финский Вестапк" 1846 кч. 8, стр. 74.

- 61. П. Машков "Повести" Спб. 1833-35 Финал: "В доме сумасшедших сидит один помещанный который пичего не говорит со овошми товарищами, но чуть только отворят двери, он тотчае кидается навстречу: "Что видели, Марию Панкратьевну? Куда она девалась с моими леньгами?".
- 62. Смотри приложение: главное сходство обоих рассказов в композиции (2 встречи с перерывами, последовательность событий одинакова).
- 63. "Один день из будначной жизни". Ср. также упомяпутый уже расская М. З. «Отеч. заи. « 1858, VIII с "Ведными людьми". Иван Иванович рассуждает о литературе: "а хорошо было бы, если б давали бедным чиновникам книжки". Как и Девушкину, ему попадаются спачала внижки забавные, где про любовь, и про дуэли разные писано и т. д.
- 64. "Роман в письмах" (аноними.) "Литерат. Газета" 1845, № 4 от 1 февраля; Достоевский написал "Роман в 9 нисьмах" в ноябре 1845 года, "очень быстро" см. Миллер "Виография" II, 42.
- 65. Его многочисленные отзывы о современной русской литературе: о Вельтмане (Миллер II, 26), о Григоровиче (1, 51), о его "Деревне" (60), Майков отмечает "постоянное литературное чтение" (I. 49) и т. д.

66. "Северная ичела" 1846 № 48.

67. См. статью М. А. Петровского "Композиция повелим у Мопассана", "Начала"—1922 № 1, стр. 108 след. 68. Добролюбов II, 880.

69. Введенский. "Общественное самосознание в русской литературе".

70. "Москвитянин" 1847 № 1, стр. 153.

71. "Отеч. зап." том 47, стр. 11.

72. "Вестник Европы" 1881 № 3; А. В. Литер обоврение.

73. Добролюбов IV, 900.

74. Введенский стр. 175, 7, 86.

75. Беливский "Современник" 1847 Х, 420. 76. Булич Ф. В. Достоевский 1381. стр. 34.

77. Достоевский. Сочинения, изд. "Просвещенье", том 22, стр. 179 ± 253 .

78. Заканчивая историю мотива молодым Чеховым, мы не можем не указать на чрезвычайно характерный рассказ А. Куприна "Гранатовый браслет", повествующий о несчаствой любви бедного (чиновника Желткова, с "неприличной фамилией") к княгине Шеин.

79. "История русской литературы 19 века" ред. О. Куликов-

ского, том IV стр. 250).

80. К главе 1-ой. Ковесть о бедном чиновнике в 30-х годах развертывается ремавтическими по преимуществу метивами. См. например, новесть А. Емичева "Любовь бедных людей" ("Виблиотека для чтения" том 13, 1835 года). Владимир служит в губерском правлении в качестве мелкого чиновника. Он получает "сто или двести рублей жалованья... медью". Он любит приемную дочь губернатора Лизу. Его начальник Семен Петрович тотчае составил илан действий. Он отговаривает Лизу; говорит Владимиру, что та выходит замуж. Пользуясь протекцией губернатора, сам женится на ней. Владимир застрелился, Лиза умерла. "Рол ее смерти по сию пору остается загадкою". Она говорила, что ее преследует страшное привидение и вовет гулять с собой в сад, грозя в противном случае застрелить из пистолета" (176).

приложение.

Нам удалось при просмотре журналов и книг 30-х годов разыскать повесть Михаила Погодина "Суженой" (II, 250).

В этом рассказе есть одна сцена (встреча молодого человека с девушкой в церкви), которая представияет разительное сходство с «Хозяйкой».

Мы приводим ниже оба рассказа параллельно, имея в виду ноказать, как подчас сильно было на Достоевского это влияние русской повести.

Погодин "Суженый".

Однажды в воскресенье... зашел он к обедне к Николе. Достойна уже отошла; ему было стылно итти вперед: оп остановился в трапезе (251).

В углу перед местным обрасом стояла девушка в черном атласном салопе, на лисьем чернобуром меху, в тафтяном розовом платочке, который чуть чуть пакрыкал ее маковку...

На сердце у него происходило новое, сгравное: опо и трепетало, и останавливалось и совсем замирало.

Достоевский "Хозяйка".

Служба только что кончилась, перковь была почти совсем пуста... Ордынов прислопился к стене в самом темном углу церкви.

Это был старик и молодая женщина... Женщина была пет 20 и чудно прекрасна. На ней была богатая голубая полбитая мехом шубейка, а голова покрыта белым атласным платком (334).

Ордынов поражен, битуемый какем то неведомо-сладостным и упорным чувством. Оба тихо вышли на церкви-

Ордынов быстро пошел вслед за инми и на церковной паперти перешел им дорогу. Уже совсем смерклост; он шел псодаль... Вошли в переулок, где был 4-этажный каменный дом.

Образ плачущей жепщины ярко поразил его воображение (336).

Служили обедию. Он выбрал место, с которого мог видеть почти всех молившихся; по тех, которых он искал, не было. После долгого ожидания, он вышел краскел.

Незнакомка его была уже там. Опа стоила на коленях у самого входа между толиой мозившихся...

Оп слышал порывистое дыхание, вылетевшее из се уст, шептавщих горячую молитву. Черты лица ее были потрясены попрежнему чувством беспредельной набожности, а слезы опять катились и сохли па горячих щеках ее (337). Оп не мог выдержать... и зарыдав, склонился воспаленной головой своей на холодный помост церкви (338).

В голове Ордынова уже явилась мысть, сложимся один из По окончании обедия он выждал, пока его красавица выпла из церкви с одною пожилою жениципою, вероятно, своею матерью.

Пошел издали за ними и проводил их до дома каменного и высокого.

Всю следующую неделю темнорусая красавида не выходила у него из головы.

На следующее воскресоние, лишь только в соборе ударили в большой колокол к обедие, он отправился в церковь, где увидел в первый раз свою красавицу и выбрав выгодное для себя место... притаился ва столбом. (Ее еще нет. А. Ц.).

Девушка стала с матерью на прежнее место и не отводила глаз от образа, неред которым молилась. Она показалась ему еще прекраснее.

С какой набожностью она стояла, жак усерцио молилась! Глаза эе часто наполнялнсь слевами. Вещие были эти слевы для молюдого человека: ему почудилось, что девушка об нем молинея Богу, и он сам заплакал, сам с пламенным чуветвом стал мелиться об пей (254).

Он вышел из церкви, как человек, принявший твердое на-

решительных страиных планов...

На вавтра в восемь часов утра он подошел в дому со сторовы переулка...

(и далее разговор с дворвиком).

морение, избравший решительные средства и желающий стремиться к цели, не тратя ни одной минуты в бездействии.

Примо отправился он к дому Чужова, к счастию, дворинк в это время отгребал лопатою спет с тротуаров; искусно встуния с ини в разговор.

Сходство между этими повестими, главным образом в параллельном развертывании действия, хотя попадаются и совпадения в лексике. Повидимому Достоевский знал пов. Погодина, хотя, может быть, переносни ситуации "суженого" в «Хозяйку» бессознательно.

Что касается разговора с дворником в «Хозяйке», то здесь мог бы на «Хозяйку» оказать влияние «Отрывок из начатой повести» Лермонтова, помещенный в сборнике Некрасова "Вчера и сегодня" 1845 (1, 71—91), хотя эти сближения гораздо более общи, нажели с "Суженым".

готовятся к печати

квиги АЛЕКСАНДРА ЦЕЙТЛИНА

"ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ" 40-х годов

(из истории натуральной школы)

ПОСТИ КУПРИНА

Генезис. — Стиль. — Литературная среда